

Л.В. Никифорова

Дворец в истории русской культуры

ОПЫТ ТИПОЛОГИИ

Лариса Никифорова

**Дворец в истории русской
культуры. Опыт типологии**

«Астерион»

2006

Никифорова Л. В.

Дворец в истории русской культуры. Опыт типологии /
Л. В. Никифорова — «Астерион», 2006

Дворец рассматривается как топос культурного пространства, место локализации политической власти и в этом качестве – как художественная репрезентация сущности политического в культуре. Предложена историческая типология дворцов, в основу которой положен тип легитимации власти, составляющий область непосредственного смыслового контекста художественных форм. Это первый опыт исследования феномена дворца в его историко-культурной целостности. Книга адресована в первую очередь специалистам – культурологам, искусствоведам, историкам архитектуры, студентам художественных вузов, музейным работникам, поскольку предполагает, что читатель знаком с проблемой исторической типологии культуры, с основными этапами истории архитектуры, основными стилистическими характеристиками памятников, с формами научной рефлексии по их поводу. Вместе с тем проблемы сюжетно-смысловой типологии дворцов, проблемы взаимоотношения политического и художественного в истории культуры могут быть интересны самому широкому кругу читателей. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

© Никифорова Л. В., 2006

© Астерион, 2006

Содержание

Введение	5
Глава I	9
Сакральность власти и дворец: опыт Древности и Средневековья	10
Дворец-святилище в сакрально-магическом политическом пространстве Древности	10
Дворец-святилище в сакрально-символическом политическом пространстве Средневековья	16
Дворец-произведение искусства как топос власти абсолютной монархии: от Средневековья к Новому времени	21
Новое время: дворец как идеологема власти	27
Дворец-симулякр и проблема власти в культуре Новейшего времени	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Лариса Викторовна Никифорова

Дворец в истории русской культуры. Опыт типологии

Введение

Возможность говорить о дворцах как некоем единстве очевидна и в то же время затруднительна. Попытка объяснить, что такое дворец, исходя из некоего набора формальных признаков, требует многочисленных уточнений. Определение дворца как архитектурного сооружения, отличающегося определенными принципами архитектурно-планировочной организации, отвечающее целям представительности и парадности, будет справедливо для Нового времени и для архитектуры европейского образца и неверно для каменного терема княгини Ольги, упоминаемого в «Начальной летописи». И. Забелин и А. Глаголев считали его первым русским дворцом. Определение дворца как парадного здания больших размеров и монументальных форм вряд ли подойдет для дворца – коттеджа Николая II или «Соломенного дворца», стоявшего когда-то в Английском парке Петергофа.

Попытки определить дворец по функциональному признаку выглядят более удачными, но тоже нуждаются в комментариях. Определение дворца как жилища правителя, монарха или лица, занимающего высокое социальное положение, отказывает в праве считаться дворцами центральным общественным сооружениям индустриальной и постиндустриальной эпохи – Дворцу Советов, дворцам культуры, дворцам конгрессов. Определение дворца как постройки общественного назначения, справедливое для Нового и Новейшего времени, превращает дворцы монархов и вельмож всего лишь в предысторию современности. И, вместе с тем, все это – дворцы.

Отправной точкой в попытке объединить разнородные в художественном и функциональном отношении постройки служит имя. Оно появилось сравнительно недавно. Приблизительно в течение XV–XVIII веков королевские, царские, княжеские и т. п. резиденции получили имя, отличающее их от всех прочих жилищ и вообще от всех других зданий: русское *дворец*, ит. *palazzo*, фр. *palais*, англ. *palace*, исп. *palacio*, нем. *Palast, Palais*. В дальнейшем, когда абсолютные монархии сошли с исторической сцены, имя дворца стали присваивать важнейшим общественным учреждениям. Оно утратило связь с жилищем, но сохранило ореол исключительности, особой важности постройки для всего общества, всего государства. Имя дворца было «опущено» вглубь времен и стало названием жилищ мифологических или исторических персонажей – древних царей, причем, инициатива такого именования принадлежит не только историкам, но и поэтам. Так, дворец Одиссея, перед которым на куче навоза спала собака, стал известен русскому читателю благодаря переводам Н. Гнедича и В.А. Жуковского. Как бы ни относиться к заведомой терминологической неточности, имя дворца неустранимо из научного и художественного дискурса.

С точки зрения культурологии, архитектура – это не камень и не стены, но, прежде всего, система значений, система ценностных ориентаций общества, сфокусированная в художественных формах. Культурологический подход к изучению архитектуры подразумевает операции со смыслами, «чтение общества», «чтение культуры» по ее архитектуре. Следовательно, стоит довериться имени и считаться с ним. Надо увидеть и объяснить то общее, что позволяет объединить столь разные памятники – жилища правителей, резиденции центральных органов демократической власти, крупнейшие общественные здания – одним именем. В этом заключается основная цель книги.

О дворцах написано огромное количество литературы, подтверждением тому служит библиографическое приложение, где собрано более полутора тысяч работ. Их подавляющее большинство носит конкретный характер и посвящено отдельным дворцам, дворцовым ансамблям, дворцам отдельных исторических периодов или отдельных областей, отдельным дворцовым интерьерам и даже отдельным предметам дворцового пространства.

В исторических работах дореволюционного времени дворцы различных эпох понимались как единый архитектурный жанр. Их объединяла принадлежность правителям русской земли, на этом основании княжеские и государевы дворы, терема и палаты Средневековья были названы дворцами. Такой подход не проблематизировался и был само собой разумеющимся, поскольку история правящей семьи понималась как квинтэссенция истории государства и нации. Изучение княжеских дворов как непосредственной предыстории дворцового великолепия императорской эпохи было, одновременно, собиранием монархического наследия Рюриковичей и Романовых в единое целое. Крупнейшие компендиумы по истории дворцовых ансамблей эпохи русского Средневековья и Нового времени, написанные С.П. Бартеневым, А.И. Успенским, были приурочены к 300 летнему юбилею императорского дома.

В советское время монархическая составляющая дворцового образа утратила актуальность. Социальная принадлежность обитателей дворцов отошла на второй план и больше не служила достаточным основанием для жанрового единства. С точки зрения стилистического подхода, ставшего едва ли не основным методом исследования архитектуры, между дворцами различных исторических эпох мало общего. В рамках канонизированного стилистического подхода проблема единства дворцового жанра не ставилась и не могла быть поставлена: средневековые княжеские дворы и императорские дворцы XVIII века разделяет пропасть, даже между дворцами барокко и классицизма стилистически важнее увидеть различия, нежели сходство. С точки зрения стилистики сама проблема архитектурной типологии обладает переменным значением. В «больших стилях» XVIII–XIX веков типы зданий – дворцы, храмы, университеты или больницы – рассматриваются как более или менее выраженные варианты стиля, тогда как их функционирование («жизнь») может не учитываться. В этом плане особенно важны работы И.А. Прониной, Л.В. Тьдмана, которые в рамках стилистической парадигмы поставили проблему дворцового жанра.

Особняком стоят советские дворцы, которые, конечно, изучались и описывались, но их преємственность по отношению к дворцам прошлого понималась исключительно в метафорическом ключе. Пафос «разоблачения» советского проекта, развернувшийся в 1990-е годы, попытки показать абсурдность масштабных архитектурных инициатив и тем самым доказать несостоятельность советской эпохи, лишь углубляют линии разрыва в единой ткани культуры и по существу снимают вопрос о какой бы то ни было преємственности.

Культурологический подход к изучению дворцов, заявивший о себе в 1990-е годы, связан с различными вариантами поиска контекстов, исходя из которых, памятник архитектуры может быть описан как памятник культуры. Исследователи изучают семантику дворцовых комплексов, метафизику дворца, дворцовую повседневность, примеряя к хорошо известному архитектурному материалу весь потенциал современной гуманитаристики. Однако, при наличии огромной литературы, посвященной отдельным памятникам или группам памятников, при общей культурологической направленности исследований последних лет, до сих пор не предпринималось попыток осмыслить феномен дворца в его целостности.

Дворец в любых своих формах это феномен культурного пространства. Под культурным пространством понимается не ньютоновское абсолютное пространство – бескачественное, однородное, «ни в одной из мыслимых точек ничем не выделяющаяся, по всем направлениям

равноценная, но чувственно не воспринимаемая разъятость»¹. Как писал М. Мамардашвили, в безразличном пространстве человеческие события невозможны и не происходят².

Представление о культурном пространстве апеллирует если и к физике, то к неклассической, утверждающей, что явления физического мира протекают в разных пространствах по-разному, подчиняются законам этих пространств, а законы пространств (их логос) зависят от качественных характеристик пространств (топосов)³. Культурное пространство не тождественно территории, даже если речь идет о культуре какого-либо государства или региона. Это особым образом структурированное пространство, в его основе не расстояния, но порядок различения, распознавания смысла. Культурное пространство это пространство освоенное, означенное, и потому оно «неоднородно: в нем много разрывов, разломов; одни части пространства качественно отличаются от других»⁴.

Культурное пространство может быть охарактеризовано с помощью *топосов* — мест, исполненных смысла. В этом качестве понятие топоса стало категорией эстетики М. Бахтина. Категория *топоса* — одна из сторон неразрывного пространственно-временного единства — служит инструментом объективации смысла, содержащегося в художественном произведении. *Топосы* у М. Бахтина — это основные пространственные образы художественного текста, значащие пространства, за которыми, благодаря свершающимся в них событиям, «просвечивают полюсы, пределы, координаты мира»⁵. По существу, любой пространственный образ культурного текста может быть понят как *топос*.

В литературоведении *топос* — это общее место, стереотипный, клишированный образ, мотив, не обязательно пространственный. Топика со времен Аристотеля была разделом риторической теории, затем, в «антриторическую эпоху», получила отрицательные смысловые обертоны — стала аргументом в пользу несамостоятельности художественного языка и поверхностности содержания. «Ренессанс» топики начался в формальной школе и структурализме и ознаменовал поворот гуманитарного знания в сторону надвременных, константных структур художественного текста, обнаруживающих «след» культурного опыта. Э. Курциус, изучавший проблему функционирования *топоса* в литературе, определял его как «нечто анонимное. Он срывается с пера сочинителя как литературная реминисценция... В этом внеличностном стилевом элементе мы касаемся такого пласта исторической жизни, который лежит глубже, чем индивидуальное изобретение»⁶. А.М. Панченко считал топосы «запасом устойчивых форм культуры, которые актуальны на всем ее протяжении»⁷. Динамика художественного процесса с точки зрения топики культуры раскрывается в соотношении с ее статикой, акцент делается не на линейном процессе смены художественных форм и на постоянном обновлении, но на пополнении устойчивых форм новыми содержательными обертонами. Динамика культуры, словами А.М. Панченко, это эволюционирующая топка.

Для культурологического изучения архитектуры понятие *топос* обладает особой эвристичностью. Оно сохраняет саму суть архитектурного языка — организацию пространства, реального, физического. И одновременно задает особую методологическую перспективу, предлагает повернуть от бескачественных пространственных характеристик или сегментированных

¹ Хайдеггер М. Искусство и пространство // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 313.

² Мамардашвили М. Психологическая топология пути. СПб., 1997. С. 25.

³ Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993. С. 55.

⁴ Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С. 22.

⁵ Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми т. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М., 1997. С. 98.

⁶ Цит. по: Махов А.Е. Топос // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М., 2001. Стб. 1076.

⁷ Панченко А.М. Топика и культурная дистанция // Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 251.

функций к качественному ценностно-смысловому содержанию, к культурному смыслу. Предлагает увидеть в типологии архитектуры топологию культуры.

Основную концепцию книги можно предварительно объяснить следующим образом. Для того чтобы понять топологическое единство дворцов, необходимо понять то общее, что связывает чрезвычайно разнородные в художественном отношении памятники. Их общность следует искать за пределами художественных форм, точнее, до всяких форм – в смысловом поле культуры. Художественное оформление пространства есть следствие смысловых операций. В качестве общего знаменателя художественного разнообразия дворцов попробуем принять их очевидную принадлежность к сфере политического – попробуем принять политическое в качестве контекста художественного. Это не означает, что мы заранее считаем художественную деятельность следствием политики. Это означает, что исследование художественной сферы мы будем вести, учитывая особенности типов и форм государственной власти. Сам характер взаимосвязей еще только предстоит установить.

Дворец может быть понят как один из важнейших *топосов* культурного пространства, как место локализации политической власти и в этом качестве – как художественная репрезентация сущности политического в культуре. Дворец, наряду с домом и храмом, является важнейшим компонентом фундаментальной топологической триады, охватывающей основные способы человеческого существования и важнейшие формы социальной солидарности, существующие с глубокой древности и до наших дней – общность семьи (пространство повседневного), общность веры (сакральное пространство), гражданскую общность (пространство политическое). В отношении культурологического взгляда больше всего повезло «храму» и «дому». Настал черед дворца.

Глава I

ТОПОС ДВОРЦА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

Если власть может быть понята как культурная универсалия, то одной из важнейших типологических характеристик при определении качественного своеобразия исторического типа культуры является способ легитимации власти, т. е. наиболее общие представления о природе власти, по отношению к которым в обществе царит согласие. В конечном счете, способ легитимации власти определяется представлениями о том, кто или что является сувереном, источником власти. Способ легитимации власти и будет для нас областью контекста, способствующей пониманию художественных форм дворцовой архитектуры.

В первой главе предлагается историческая типология дворцов, в основу которой положен тип легитимации власти. Глава построена на широком материале мировой культуры и предлагает историко-типологическую модель, необходимую в дальнейшем для структурирования материала отечественной культуры

Сакральность власти и дворец: опыт Древности и Средневековья

Древность и Средневековье представляют собой исторические типы традиционной культуры, для которой характерна сакральная легитимация власти. При всех различиях в формах организации общества и государства, в понимании взаимоотношений между миром людей и миром богов, именно последний определяет в традиционной культуре право на власть, властные полномочия и те места, где локализуется их исполнение. В традиционной культуре не существует особого имени, отличающего «дворец» от других построек, жилых или общественных – историки и археологи совершили известную вольность, назвав дворцами жилища правителей в цивилизациях Древности и Средневековья и, тем самым, как бы негласно уравнивая роли правителей различных исторических эпох. Но эта терминология сама уже стала традицией, с которой приходится считаться. В Древности и Средневековье архитектурные формы дворцов и храмов (святилищ) чрезвычайно близки, порой идентичны, дворцы строили «как храмы», повторяли близко, порой буквально, планировку, отделку, ритуальные формы жизни. Для дворцов Древности и Средневековья конституирующим фактором была сакральность власти, ее легитимация через отсылку к миру высших сил.

Дворец-святилище в сакрально-магическом политическом пространстве Древности

Главным типологическим признаком древнейшей эпохи человеческой культуры является синкретизм – слитность, нерасчлененность отдельных областей деятельности. В полной мере это относится к политическому пространству, которое представляет собой часть сакральной сферы⁸.

В Древности отношения мира человеческого и мира сакрального носили магический характер⁹, то есть предполагали их непосредственный, «физический», контакт. Институты власти были связаны с исполнением жреческих обязанностей, благосклонность богов легитимировала право на власть и ее пределы. В основе традиции, по отношению к которой формировались различные виды права Древности, лежало так называемое сакральное право – порядок жертвоприношений и взаимоотношений с божествами¹⁰. Разделение функций между различными ветвями управления хозяйством или войском опиралось на власть, синкретичную по своей природе: любое властное деяние, любое осуществление властных полномочий есть одновременно и религиозный долг, и право, и сила. Это справедливо для всех типов власти Древности и в целом для традиционного общества как макротипа культуры¹¹. С этой точки зрения все топосы власти Древности есть прежде всего святилища, вне зависимости от того, как называли их исследователи – дворцами, жилищами или храмами, вне зависимости от того, получили они монументальное архитектурное оформление или остались «пустыми» с художественной точки зрения¹².

⁸ Форрестер Д. Теология и политика. М., 1989. С. 11.

⁹ Лосев А.Ф. История античной эстетики (ранняя классика). М., 1963. С. 120.

¹⁰ Кофанов Л.Л. К вопросу о палингенезе законов XII таблиц: Сакральное право в системе Римского законодательства // Вестник древней истории. 1996, № 2. С. 26–43.

¹¹ Уайт Л. Государство-церковь: его формы и функции // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб., 1997. С. 285–313.

¹² О святилище как «сердце» политической, экономической и хозяйственной жизни греческого полиса: Семина К.А. О феномене раннегреческого храма // Вестник древней истории. 1996. № 4. С. 124–132.

В Древности сформировалось два основных типа государственной власти, условно называемые демократическим и монархическим. Оба типа власти выросли из общины как способа социальной организации человеческого коллектива, оба опирались на традиции сакрального права.

Демократический тип власти древних обществ следовал из участия каждого в общем труде. За демократической структурой власти стояла, как правило, скудость производительных сил и сравнительная немногочисленность человеческого коллектива¹³. Основные элементы политической (властной) структуры в общине – народное собрание, совет старейшин, военачальник – связаны с социально-возрастным принципом разделения труда и совпадают с принципами самоорганизации общества. Подобно тому, как каждый член общины в зависимости от возрастных возможностей участвует в производительном труде коллектива, так и участие во власти является возрастной обязанностью.

Пространство власти демократического типа представлено несколькими топосами публичной власти. В поселениях большесемейных общин Трипольской культуры археологи выделяют как минимум два главных топоса, называемые «протоакрополями» и «протоагорами» – святилища и места общих собраний¹⁴. В гражданской общине афинского полиса главных топосов было три: Пникс – холм народа, Ареопаг – холм знати, Акрополь – холм богов¹⁵. Но народные собрания происходили также в театре или в афинской гавани в Пирее, притании заседали на рыночной площади, совет (булэ) собирался иногда в храме Деметры Елевсинской на акрополе, иногда на корабельных верфях в Пирее. Топология политической жизни общины восходила к «мифологии места» – к ритуальным и мистериальным практикам освоения территории¹⁶.

В Древности топосы власти – это не обязательно архитектурные сооружения, пластическую артикуляцию они приобретали не сразу, часто тогда, когда сами институты власти уже теряли былое значение. Раньше всего монументальное оформление получили храмы и погребения (собственно святилища, связанные с пребыванием богов, – безусловно «привилегированного сословия» Древнего общества). Позже – места, где собирались старейшины и наиболее почетные граждане – места собраний старейшин в Шумере, фолосы, булевтерии, притании на греческих агорах, базилики вокруг римских форумов. Еще позже – места, где вся община может находиться совместно. Перистили и стои – площади и улицы эллинистических городов, римские форумы, коллонады *cardo* и *decumanus* римских городов императорского периода – это пластическая артикуляция топосов власти, уже утративших былое политическое значение, но освященных авторитетом традиции¹⁷.

В основе общественных зданий демократической власти лежит модель площади – места, доступного каждому гражданину. Основная экзистенциальная характеристика такого пространства – публичность существования¹⁸.

Публичность была свойственна жизни первых римских дворцов. Как известно, императорская власть в Риме генетически была связана с ценностями общинной идеологии. Несмотря на то, что община как политическая сила ушла в прошлое, власть императора мыслилась

¹³ Кнабе Г.К. Древний Рим. История и повседневность. М., 1986. С. 21.

¹⁴ Шмаглий Н.М. Поселения-гиганты в социально-пространственной организации Трипольского общества // Социально-пространственные структуры в стадийной характеристике культурно-исторического процесса. М., 1992. С. 105–110.

¹⁵ Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988. С. 67.

¹⁶ Молок Д. К истолкованию архитектуры Эрехтейона // Архитектура и культура. Т. 2. М., 1991. С. 35–36; Scully V. The Earth, The Temple and the Gods: Greek Sacred architecture. New-Haven; London, 1979; Snodgrass A. Archaic Greece. The Age of Experiment. L., 1980.

¹⁷ См. замечание В.Д. Блаватского: Античный город. М., 1963. С. 18.

¹⁸ Марков Б. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. – СПб., 1999 [Особенно гл. «Телесные практики в культуре»].

как власть должностного лица – гражданина, выбранного войском. «Клавдий, прогуливаясь по Палатину, неожиданно услышал голоса и шум, и, осведомившись, узнал, что это историк Сервилий Нониан публично читает в одной из комнат дворца свое новое произведение, – императора никто об этом не предупреждал, но такое обращение с его домом немало его не шокировало. [...] Древние авторы Тацит, Плиний Младший, Светоний, Ювенал, Дион, Кассий были уверены, что уединения в загородной резиденции всегда искали только нарушавшие римские традиции дурные принцепсы... Показательно, что непопулярный в последние годы жизни Нерон, отстроив себе в центре Рима огромную резиденцию (так называемый «Золотой дом»), закрыл доступ в нее народу, – первое, что сделал очень популярный Веспасиан, состояло в том, чтобы скрыть здания дворца и построить на их месте открытый десяткам тысяч посетителей Колизей, где он постоянно бывал и сам»¹⁹.

Теснота и скученность, воспринимавшиеся римлянами как осязаемое проявление традиции полисного общежития, как эстетическая и нравственная ценность, стали, по мнению К.Г. Кнабе, доминантой римского архитектурного мышления.

Монократический тип власти связан с дихотомией «управляемых – управляющих» и перестает совпадать с самоорганизацией общины – на смену социально-возрастному принципу разделения труда приходит сословный, с которым связано представление о предназначении тех или иных групп населения к исполнению определенного круга обязанностей – земледельческих, воинских, жреческих²⁰. Раньше всего институализировалось жреческое сословие, внутри его «профессиональных» обязанностей выковывались управленческие и бюрократические функции. «Общинный муниципалитет» превратился в достаточно замкнутую социальную и имущественную элиту, власть сосредоточилась в руках представителей знатных родов (олигархия) или одного представителя (монократия).

Формирование монократической власти теснейшим образом связано с древнейшим институтом «магической персоны», ответственной за процветание общества. Эту социальную функцию исполняли и выборные вожди общины в рамках демократического типа власти, и правители больших территориальных объединений Египта, Ближнего и Дальнего Востока, Мезоамерики. Магические функции правителя доживают до Средневековья, о чем свидетельствуют случаи из русской истории об изгнаниях князей за недород²¹, вера в целительные способности королевского прикосновения в европейском средневековье²².

Ирригационное земледелие и стимулированные им наблюдения над сезонными и природно-климатическими закономерностями способствовали изменению представлений о времени: в «годовом круге» циклического времени стали учитывать линейную протяженность. Вместе с этим на смену реальной, физической, смене «магической персоны», пришло ритуальное обновление физической мощи царя и пожизненное персональное право на власть²³.

Топосами монократического типа власти Древности стали монументальные постройки, соединившие в себе и храм, обиталище богов-покровителей, и жилище земного бога – «магической персоны», и, частично, прежние общинные топосы власти. Это и есть дворцы Древности. Они представляют собой обширные комплексы, включающие несколько функционально определенных зон: парадную или официальную (комплекс дворов и залов, имеющих наиболее роскошную отделку), собственно жилую (комплекс небольших по размеру помещений, жилое использование которых подтверждается археологически), хозяйственную (кухни, кладовые), административную (архивы, библиотеки, школы писцов).

¹⁹ Кнабе Г.К. Древний Рим. История и повседневность. М., 1986. С. 163, 165.

²⁰ Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.

²¹ Фроянов И.Я. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 137–138.

²² Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998.

²³ Мисюгин В.М. Становление цивилизации. О вещах и представлениях. СПб., 1998. С. 86 – 101.

В традиции эволюционной теории архитектуры зерном эволюции считается жилище, а производными от него основные типы монументальной архитектуры – погребение, храм, дворец²⁴. Это так, но прямыми предшественниками парадных пространств дворцов стали в первую очередь святилища. Если дворец это выросшее до огромных размеров и получившее монументальный характер жилище, то это жилище у стен храма (цитадель Саргона II в Дур-Шаррукине), это жилище внутри храма (Рамессеум в Фивах; комплекс Мединет-Абу), это жилище-храм (дворец Зимрилима в Мари, дворцы в Тель-Халафе, в Тель-Амарне).

Хорошо известно, что монументальные египетские дворцы периода Нового царства, состоявшие из перистильных дворов и гипостильных залов, разделенных пилонами, по своей пространственно-планировочной и пластической организации буквально повторяли храмовую архитектуру²⁵. Археологи, исследовавшие цивилизации Древнего Востока, неоднократно высказывали предположения, что и другие типы дворцовых пространств Древности связаны с организацией святилищ и храмов²⁶.

Таковы т. н. дворцовые вестибюли «бит-хилани» древних дворцов на территории современной Сирии, не только построенные по образцу «храмов огня», но и служившие таковыми²⁷ (их аналогами можно считать римские вестибюли, восходящие к родовым святилищам Весты), айваны и многоколонные ападаны ассирийских дворцов²⁸. Входы во дворцы, оформленные изображениями антропоморфных или зооморфных священных фигур, дворцовые лестницы, коридоры, переходы от зала к залу через специальным образом оформленные порталы были дорогами процессий, «священными дорогами», связанными с важнейшими для мифопоэтического времени ритуалами, когда движение происходит одновременно в реальном и мифологическом времени и пространстве²⁹.

Экзистенциальной характеристикой дворцового пространства можно считать «взаимное удаление на почтительную дистанцию», составляющее особенность дворцового поведения³⁰, в отличие от тесноты мест власти общины. Жизнь правителя во дворце закрыта от глаз всех и таинственна, в отличие публичности жизни представителей демократической власти. Жизнь во дворце подчинена сложному ритуалу в отличие от безыскусности поведения в общинных топосах власти.

Кроме комплекса парадных пространств дворцы включают обширный хозяйственный комплекс – зернохранилища, винные склады и т. д. Хозяйственные зоны дворца восходят к общинным хозяйственным зонам, составлявшим своеобразный страховой и обменный фонд общины³¹.

²⁴ Циркунов В.Ю. О происхождении зодчества. М., 1965. С. 163–181.

²⁵ Матье М. Искусство Древнего Египта. СПб., 2001. С. 583–585 и др.

²⁶ Duval N. Exite-t-il une “structure palatiale” propre a l’Antiquité tardive // Le système palatial en Orient, en Grèce et a Rome: Actes du Colloque de Strasbourg 19–22 juin 1985 / Edit. E. Levy. Strasbourg, 1987.

²⁷ Литвинский Б.А. К генезису архитектурно-планировочных схем восточно-иранского эллинизма // Вестник древней истории. 1996, № 4. С. 3 – 16.

²⁸ Heinrich E. Die Palast im Alten Mesopotamien. Berlin, 1984 (Denkmäler antiker Architektur. Bd. 15); Marqueron J. Recherches sur les palais Mésopotamiens d l’âge du bronze. T. 1–2. P., 1982 (Institut Français d’archéologie du Proche Orient. Bibliothèque archéologiques et historique. T. CVII); Turner G. The State Apartments of Late Assyrian Palaces // Iraq. 1970. V. XXXII. P. 177–213.

²⁹ Петренко К. О ритуальном назначении минойских дворцовых комплексов // Архитектура мира. Вып. 3. М., 1995. С. 99 – 102.

³⁰ Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 38; См. также замечания Н. Брунова по поводу дворца Навуходоносора в Вавилоне: Брунов Н.И. Очерки по истории архитектуры. Т. 1. М., 2003. С. 178–180.

³¹ Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Краткие тезисы докладов. Л., 1973; Социально-пространственные структуры в стадийной характеристике культурно-исторического процесса. М., 1992; Утченко С.Л., Дьяконов И.М. Социальная стратификация древнего общества // XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970.

Для археологов верным симптомом углубляющегося социального и имущественного расчленения общины и появления привилегированного сословия служит деление территории поселения на две части – «элитарную» и «агелитарную». В таких стратифицированных поселениях общинные *места власти* и общественные запасы перемещаются в «элитарную» часть, представляющую собой, как правило, укрепленное место, цитадель. Здесь оказываются сосредоточены святилища, площади для общих собраний и постройки для заседаний советов. Здесь же расположены зернохранилища, резервуары для воды, «хлебные печи», значительно превышающие нужды жителей элитарной части поселения. Археологи полагают, что площади элитарных частей поселений продолжали служить местами общих собраний, а хозяйственные зоны, расположенные в них, сохраняли свою «страховую» роль для всего поселения. Таковы, например, цитадели протофракийских поселений³², цитадели древнейших шумерских городов, таковы и древнейшие дворцы – дворец в Кише³³, дворцовый комплекс Мохенджо-Даро³⁴.

Римские дворцы также «вбирали» в себя общественные пространства – таковы дворцы Флавиев на Палатине, с базиликальными залами. Императорская власть в Древнем Риме мыслилась прямым продолжением традиций общины – важнейшие ритуалы были связаны с провозглашением императора армией, с единением императора и войска, потому и дворец был как бы частью публичного пространства, включавшего площадь, цирк, где император предстал перед народом, и святилище, служившее храмом обожествленного императора³⁵. Самый знаменитый пример такого сочетания – Палатинские дворцы, обращенные к *Via Sacra*, форумы, Колизей и мавзолей Августа в Риме, дворец Диоклетиана в Сплите, построенный по модели римского военного лагеря.

Типологически сходный комплекс топосов власти был унаследован Византией³⁶, где вплоть до VII в. важнейшими формами манифестации власти были провозглашение императора армией (на военном поле Евдоме) и встреча императора с народом на ипподроме³⁷. Комплекс *топосов* власти в Константинополе был образован Большим дворцом, ипподромом, площадями Августейоном и форумом Константина, Собором Святой Софии. Типологически сходные комплексы, генетически восходящие к модели объединения территориально разобщенных топосов власти общины, многократно воспроизведены в столичных центрах Абхазии, Армении, Болгарии³⁸.

Важнейшим качественным отличием дворцов от протодворцов – элитарных частей поселений, «верхних городов», образующих часто, как и собственно дворцы, цитадель, город в городе, – является их принадлежность конкретному властителю. Дворец это место персонафицированной власти. Если первый археологический признак дворца – это монументальность (строительство из прочных материалов, требующее специальных навыков, оформление рельефами, росписями, скульптурой), то вторым признаком считаются свидетельства в пользу персональной принадлежности здания тому или иному правителю – эпиграфика и комплекс памятников монументального искусства со специфически «царскими» сюжетами³⁹.

³² Мемперт Н.Я., Молчанов А.А. Структура протофракийских поселений раннебронзового века на юге и юго-востоке Балканского полуострова // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Краткие тезисы докладов. Л., 1973. С. 11–31.

³³ Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959. С. 181.

³⁴ Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951.

³⁵ Mac Key A.G. Houses, Villas and Palaces in the roman World. London, 1977.

³⁶ Кондаков Н.П. Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса, 1886. С.137.

³⁷ Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005. С. 102–103; Чекалова А.А. Архонты и сенаторы в избрании византийского императора (IV – первая половина VI в.) // Византийский временник, № 62 (87). М., 2001. С. 6 – 20.

³⁸ Вачнадзе Д.З. Дворцовая архитектура Кахети (IX–XII в.) Автореферат дис. на соиск. степ. канд. наук. Тбилиси. 1990; Хрушкова Л.Г. Лыхны. Средневековый дворцовый комплекс в Абхазии. М., 1998; Ваклинов С. Дворцовые цетрове в Плиска и Преслав // Плиска – Преслав. Т. 2. София, 1981.

³⁹ Гуляев В.И. Города-государства майя (Структура и функции города в раннеклассовом обществе). М., 1979.

По мнению С.А. Токарева сакрализация власти вождя проявилась в трех формах: «во-первых, в сверхъестественной санкции его авторитета, как опирающегося на магическую силу, во-вторых, в почитании умерших вождей, превращенных в сильных и опасных духов, в-третьих, наконец, в выполнении вождем ритуальных и культовых функций»⁴⁰. С этими формами сакральной легитимации власти связаны основные типы царских сюжетов: инвеститура, ритуальные портреты царей с атрибутами магической власти, жертвоприношение царя. Специфически царскими считаются сюжеты военной и охотничьей тематики: «В Египте, но в особенности в Халдее и Ассирии и еще более у Ахеменидов царская охота занимает почетное место рядом со сценами побед государей, даже принимает иногда почти иератические формы, выявляя, таким образом, сверхъестественный и символический характер подвига государя, убивающего зверя»⁴¹.

Система сюжетов в отделке дворцовых залов Древности преемственна по отношению к изобразительным текстам «священных мест» – храмовых и погребальных комплексов. Детально разработанная иконография императора в искусстве Древнего Рима, обнаруживающая тесную связь с царскими сюжетами Древнего Востока, легла в основу императорской тематики изобразительного искусства Византии и Европейского средневековья.

Политическая власть, как известно, основана на силе и богатстве – собственности. Между тем Древности свойственны особые представления о собственности. Как отмечал В.Н. Топоров, собственность в мифопоэтической традиции Древности мыслится как «плоть», как некое «внешнее тело» владельца⁴². С царем такие представления связывались особенно отчетливо. «Плотью» царя, его непосредственным и прямым продолжением являлся и его дом, и его царство.

В древнеиндийской концепции политической власти совпадали такие качества царя как обладание физической силой и наличие казны. Фискальная функция государства (сбор налогов) выглядела как кормление царя, сам налог как еда царя. Накопление богатств ассоциировалось с насыщением царя и с ростом его царства-«плоти». Представление об органах власти как органах тела царя, носило не метафорический, но буквальный характер⁴³. Разнящиеся в деталях, но принципиально подобные представления о царстве и о дворце как «теле» царя свойственны и другим цивилизациям Древности⁴⁴.

В Древней Индии жилище строилось как бы по чертежу вселенского тела первочеловека Пуруши – его моделью являлась мандала. Части мандалы и части жилища соотносились с частями тела Пуруши. Существовали жизненно важные, особенно ранимые части дома – в них нельзя было вбивать колышки, устанавливать столбы, так как это могло отрицательно сказаться на самом хозяине⁴⁵.

Восприятие дворца как «тела» царя объясняет практику возведения для каждого нового царя собственной резиденции. «Существует обоснованная гипотеза, – отмечал А.В. Бунин, – о путях развития столичных городов Египта: в каждое новое царствование фараона создавали новые резиденции... Со временем новый дворец окружали со всех сторон жилые кварталы, и этот вновь возведенный городской организм срастался с остальным городом. Весьма веро-

⁴⁰ Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1964. С. 337.

⁴¹ Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000. С. 148–149.

⁴² Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: Семантика и структура. М., 1983. С. 266; Stein R. L'habitat, le monde et le corps humain en Extrême.- Journal Asiatique, t. CCXLV. 1957, fasc. 1. P. 45–48.

⁴³ Романов В.Н. Древнеиндийские предания о царя и царстве // Вестник Древней истории. 1978, № 4. С. 26–33.

⁴⁴ Ардзинба В.Г. Хеттский строительный ритуал // Вестник древней истории. 1982, № 1. С. 109–119; Мартынов А.С. Представления о природе власти в китайской официальной традиции // Народы Азии и Африки. 1972, № 5. С. 72–82; Моисеева Т. Царская власть у фригийцев // Вестник древней истории. 1982, № 1. С. 119–129; Саркисян Г.Х. Обожествление и культ царей и царских предков в древней Армении // Вестник древней истории. 1981, № 2.

⁴⁵ Вертоградова В.В. Архитектура // Культура Древней Индии. М., 1975. С. 302.

ятно, что колоссальные размеры Мемфиса и Фив объясняются многократным перемещением царских резиденций»⁴⁶. Подобная практика существовала и в империях Двуречья, она имеет отношение к Римской империи, где Палатин превратился в холм дворцов. «Телесность» дворца была причиной разрушения дворцов завоевателями «до основания» как магическое подтверждение права на власть – на территорию, на подданных и, конечно, на местных богов.

Дворец-святилище в сакрально-символическом политическом пространстве Средневековья

В монотеистической культуре Средневековья изменились представления о власти и характер ее легитимации. Сакральность власти в Средневековье носила опосредованный характер – между человеческим и божественным мирами возникла дистанция. Символизм власти в Средневековье опирался на сложную категориальную иерархию аналогических отношений человеческого и божественного миров. Государственная власть и земной монарх стали знаками, отсылающими к иной реальности, к иному господству.

В Средневековье обожествлялся не конкретный правитель и его неизбежно индивидуальная магическая сила, а власть, как таковая. Монарх сам по себе только человек, но, став императором, он занимал место в иерархии власти и становился образом, «живой иконой» абсолюта. «Средневековые китайские историки могли без риска для себя утверждать, что в истории «Поднебесного мира» девять императоров из десяти были тиранами или тупицами... Имперская государственность искала свое основание непосредственно в эффективности символического действия и не отождествляла себя с какой бы то ни было социальной или даже этнической средой»⁴⁷. С.С. Аверинцев отмечал, что власть в Средневековье, которая мыслилась данной свыше, «принимает характер силы, приложенной к обществу “извне”. “Ниоткуда” – “свыше” – “извне”: три пространственные метафоры, слагающиеся в один ряд»⁴⁸.

На смену дворцам обожествленных правителей Древности пришли Священные дворцы Средневековья, места обожествленной государственной власти. Средневековые дворцы Восточных империй, с торжественными залами и до мелочей отработанными церемониями «государственного священнодействия», были, как и храмы, символическим воспроизведением небесного, божественного порядка.

Если дворец Древности мыслился как второе тело правителя, как его непосредственное продолжение, то дворец Средневековья являлся одним из знаков власти, подтверждающим монарший сан. Так, византийский титул «порфирородный» «... концентрировал внимание не на том, что дитя монарха – «царской крови», но на том, что оно рождено, согласно обычаю, в Порфириновом покое императорского дворца, так что уже его рождение было введено в круг сакрально-политической обрядности, совершалось «по чину». ... Достоинство сана важнее достоинства рода»⁴⁹. Дворец стал своего рода инсигнией, обеспечивающей родовитому и безродному, иноземцу или уроженцу империи, сыну монарха или узурпатору переход в новое качество.

Близость форм храмовой и дворцовой архитектуры Средневековья, неоднократно отмеченная исследователями, укоренена в символической аналогии небесной и земной властей. Для христианского мира прецедентом такой близости стало ветхозаветное предание о строительстве Соломоном дворца по образу и подобию храма (3 Цар., 6–7). Известные параллели этой близости составляют неоднократные превращения дворцов в храмы и монастыри в Япон-

⁴⁶ Бунин А.В. История градостроительного искусства. Т. 1. М., 1953. С. 20–22.

⁴⁷ Малявин В.В. Китай в XVI–XVII веках. М., 1995. С. 17.

⁴⁸ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 18.

⁴⁹ Там же. С. 17.

ской культуре («Храм Феникса» в Удзи, «Золотой павильон» в Киото), дворцы – храмы Чингиз-хана и Угэдэй-хана в Каракоруме⁵⁰, дворцы-монастыри богдо-гогэна в Их-Хурэ⁵¹.

Теократическая концепция власти Средневековья предполагала в идеале существование государства=церкви – единого мира верующих, единой империи, всемирной и универсальной во главе с Богом на небесах и его наместником на земле – китайским или византийским императором, арабским халифом, султаном, монгольским богдо-гэгэном. Власть средневекового монарха, как бы ни была велика его империя, не являлась суверенной в том смысле, что источником власти и ее абсолютным воплощением являлся только Бог. «Лишь Христос – безусловно легитимный владыка... Любая иная власть рядом с этой безусловностью условна, как условен условный знак»⁵².

Византийский *Rex Christiana* в пору расцвета и в действительности был единым государством – империей ромеев, политическая и духовная власть которой распространялась на огромную территорию. Фундаментом византийской концепции государственной власти стала идея провиденциальной избранности государства, созданного Богом во исполнение его замысла; тесно связанная с ней идея богоизбранности императорской власти и, как следствие, принцип единства светской и духовной властей⁵³, названный Г.В. Вернадским диархией. «Царь и патриарх – две главы одного и того же церковно-государственного тела. Лишь обе главы вместе – царь и патриарх – знаменуют собой полноту земной верховной власти в Византийском царстве»⁵⁴. Величие императорского сана в ранневизантийской культуре было прямым наследием Римской империи, но уже к VII в. императорский сан обрел церковный, культовый, а в поздневизантийской культуре литургический характер⁵⁵.

Сакральный статус дворцового пространства был запечатлен художественными формами – они одни и те же для дворцовых залов и христианских храмов Константинополя. Это обстоятельство отмечалось неоднократно.

Тронный зал Большого Константинопольского дворца (Хризотриклин) был устроен по образцу церкви Сергия и Вакха, трон в восточной конхе Хризотриклина под образом Спасителя был подобен престолу в алтаре храма, а сам император, восседающий на нем, – живой иконе⁵⁶. Парадные одежды императора и придворных были практически идентичны облачениям священнослужителей, за исключением пурпурных сапог – право носить их имел только император. Обычай проскинезы (*proskinesis*), простиранья ниц перед императором, относился к почитанию святых и святынь, в отличие от *latreia* – поклонения, которого достоин один лишь Бог⁵⁷. Стены храмов и дворцовых залов были покрыты сверкающими мозаиками с золотым фоном⁵⁸, одни и те же завесы отделяли алтарные преграды храмов и тронные возвышения дворцовых зал. Во время церковных праздников во дворец переносились храмовые иконы – здесь

⁵⁰ Ломакина И. Улан-Батор. Л., 1977. С. 7 – 10; Майский И.М. Монголия накануне революции. М., 1960, с. 107.

⁵¹ Ломакина И. Улан-Батор. Л., С. 55–77.

⁵² Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы... С. 117.

⁵³ Курбатов Г.Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии IV – первой половины VII в. М., 1984. С. 98 – 118.

⁵⁴ Вернадский Г.В. Византийские учения о власти царя и патриарха // Сборник статей, посвященный памяти Н.П. Кондакова. Археология. История искусств. Византиноведение. Прага, 1926. С. 154.

⁵⁵ Острогорский Г. Эволюция византийского обряда коронации // Византия. Южные славяне. Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура. Сб. статей в честь В.Н. Лазарева. М., 1973. С. 33–42.

⁵⁶ Беляев Д.В. *Byzantia*. Очерки, материалы и заметки по Византийским древностям. Книга I. Обзор главнейших частей большого дворца византийских царей. СПб., 1891. С. 12–15.

⁵⁷ Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998. С. 183; Гийу А. Византийская цивилизация... С. 195–106.

⁵⁸ Кондаков Н.П. Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса, 1886. С. 58–59.

в начале XIII века на Страстную неделю целовал образ Богородицы, главной иконы церкви Св. Богородицы Одигитрии, паломник Антоний Новгородский⁵⁹.

Дворцы и храмы Константинополя, «скрепленные» процессиями церковных и императорских выходов⁶⁰, представляли собой единое *сакрально-символическое пространство власти* христианской империи, выстроенное по единой модели Небесного града.

В западноевропейской культуре Средневековья сложилась иная ситуация. Единство западного мира было единством церкви, но не государства. Глава церкви, римский понтифик, претендовал на роль всемирного правителя, на право поставлять и низлагать монархов, на знаки императорской власти. Империи западного Средневековья были в первую очередь единством веры, и только потом, причем далеко не всегда, территориальным и административным целым. Анри Пиррен считал, что императорский титул в западном мире не имел светского значения и был юридически правомерен только в рамках церкви⁶¹.

Королевская власть европейского средневековья была, как известно весьма шаткой и «непродолжительной», а государственные образования непрочными и недолговечными. Проявление знакового характера государственной власти как образа высшего порядка были связаны не собственно с королевскими резиденциями – замками, пфальцами, бургами, но с церквями и монастырями.

По всей империи Карла Великого раскинулась сеть «имперских монастырей», в которых останавливался государь со своей свитой во время практически постоянных передвижений по подвластной территории. Здесь вырабатывались процедуры приема короля, включавшие общую трапезу, беседу с братией, передачу даров, особые молитвы во славу государя и государства. В монастырях создавались особые архитектурные пространства, предназначенные для приемов высоких гостей. Чертеж Сен-Галленского монастыря включает целый комплекс таких построек – дом с просторной трапезной, с пекарней и пивоварней, многочисленными спальнями и конюшнями⁶². Для торжественных въездов короля предназначались сохранившиеся до наших дней ворота аббатства в Лорше с просторным надвратным залом⁶³. Вплоть до XVII–XVIII веков важнейшие монархические ритуалы были связаны с церковью, а не с жилищем короля⁶⁴.

«Оазисом порядка» для западных королей была Византия, «варварские короли почитали за честь получать от него (византийского императора – *Л.Н.*) высшие императорские титулы и пышные инсигнии своей власти; латинские хронисты зачастую вели летоисчисление по годам правления византийских вазилевсов, а при дворах западных правителей чеканились монеты, имитирующие византийские солиды»⁶⁵. Образ резиденции христианского монарха был ориентирован на ряд прецедентов, важнейшими среди которых были храм и дворец ветхозаветного Соломона, Священный дворец в Константинополе. Вариантами реализации этих образцов были «дворец» остготского короля Теодориха в Равенне, Аахенский комплекс Карла Великого⁶⁶, Вестминстерское аббатство, основанное Эдуардом Исповедником, т. н. «дворец Меро-

⁵⁹ Кондаков Н.П. Византийские церкви и памятники Константинополя... С. 106.

⁶⁰ Беляев Д.В. Byzantina. Очерки, материалы и заметки по Византийским древностям. Книга II. Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы в Храм Св. Софии в IX–X вв. СПб., 1893.

⁶¹ Pirenne H. Mohammed and Charlemagne. N.-Y., 1957. P. 233.

⁶² Horn W., Born E., The plan of St. Gall: A study of the architecture & economy, & life in a paradigmatic Carolingian monastery. London, 1996.

⁶³ Усков Н.Ф. Кочующие короли: государь и его двор в монастыре // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Под ред. Н.А. Хачатурян. Вып. I. М., СПб., 2001. С. 34–67.

⁶⁴ Гусарова Т.П. Святая венгерская корона: теория и практика в XVI–XVII вв // Средние века. Вып. 58. М., 1995. С. 163–170.

⁶⁵ Удальцова З.В., Котельникова Л.А. Власть и авторитет в средние века // Византийский временник. 1986. Т. 47. С. 5–6.

⁶⁶ Grimme E. Der Dom zu Aachen: Architektur und Ausstattung. Aachen, 1994; Winwinds K. Zur Geschichte und Architektur des Chores und der Kapellenbauten des Aachener Münsters. Recklinghausen, 1989.

вингов» в Париже⁶⁷. В таких резиденциях т. н. дворцы играли явно второстепенную, подчиненную роль по отношению к капеллам, церквям, соборам. Да и сами резиденции играли роль не столько административных, политических центров, сколько были центрами символическими.

Раннее европейское Средневековье не знало стационарной резиденции правителя, как не знали столиц слабо интегрированные королевства. Резиденции христианских монархов были, прежде всего, монументальными инсигниями власти, постулировавшими свыше установленный порядок⁶⁸.

Образцом государственной власти в европейском Средневековье, и способов ее легитимации, и организационных форм, была власть духовных владык. Папское государство, считает П. Бурдые, стало образцом формирования централизованных монархий – благодаря опоре не на территорию, а на налоги и право, оно ранее всего эволюционировало в сторону бюрократической системы управления⁶⁹. Церковный двор в Авиньоне стал образцом придворной жизни⁷⁰. Укрепление статуса королевской власти было тесно связано с накоплением «символического капитала» святости, придавшего королевской власти квазисвященнический характер: обряд помазания при вступлении на престол и коронации, включавшие осуществление евхаристической привилегии, королевский обряд исцеления золотушных и т. н. монархические циклы – собрание легенд, указывающих на сверхъестественное происхождение королевских инсигний⁷¹. У церкви позаимствована и сама идея абсолютной власти монарха – «*plena potestas*». Сама титулатура «Его величество» («*Sa Majesté*»), принятая Карлом V, прежде применимая только к Богу, – стала перенесением на монархов образа Божественного величия⁷².

Сакрализация королевской власти, повышение статуса «царства» до уровня «священства» влекла за собой перемены не столько в структуре пространства, сколько в системе убранства королевских резиденций – произошло перенесение форм храмовой архитектуры и, что показательнее, системы храмовой росписи в королевские покои. Сюжеты ветхозаветной и новозаветной истории, изображения евангелистов, притчи, помещенные стенам королевских залов, освящали королевские суды и рыцарские церемонии⁷³.

В культуре Средневековья дворцы и храмы составляли единое сакрально-символическое пространство, в котором власть земная была знаком высшей власти. Сакральность государственной власти выражалась системой уподоблений: монарха и священнослужителя, государственных и церковных ритуалов, инсигний власти, одной из которых и выступал «дворец». Резиденция монарха в христианском мире, восходящая к ветхозаветным прообразам и к череде исторических прецедентов, представляла собой храм и связанный с ним дворец. В этом сочетании первенствовал храм, именно здесь монарх выступал в полноте своего символического статуса.

⁶⁷ Дворец Юстиции в Париже. Его обитатели и нравы. Составлено представителями судебной прессы Парижа / Пер. с фр. А. Марконета. М., 1896.

⁶⁸ Изображение дворцовой палаты как эмблемы власти: Муха М.В. Коллекция англо-нормандских монет Вильгельма I завоевателя (1066–1087) в Эрмитаже // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 3: Сб. статей в честь 70-летия Г.Л. Курбатова. СПб., 2001. С. 219; Rites of Power. Symbolism, Ritual and Politics since the Middle Ages / Ed. Wilentz S. Philadelphia, 1985.

⁶⁹ Бурдые П. От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // Социоанализ Пера Бурдые. М. – СПб., 2001. С. 141–176.

⁷⁰ Зомбарт В. Современный капитализм. Т. 1. М., 1903 [Особенно глава «Дворы правителей как средоточие демонстративной роскоши»]

⁷¹ Блок М. Короли-чудотворцы ... С. 37 – 41; Гусарова Т.П. Святая венгерская корона: теория и практика в XVI–XVII вв. // Средние века. Вып. 58. М., 1995. С. 163–170; Дмитриева О.В. Сотворение божества: сакрализация культа Елизаветы Тюдор // Средние века. Вып. 58. М., 1995. С. 155–163.

⁷² Ямпольский М. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана. Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М., 2004. С. 31–33; 117.

⁷³ Баргнев И.А., Батажкова В.Н. Очерки по истории архитектурных стилей. М., 1983. С. 64; Коркодейл Ч.-М. Убранство жилого интерьера от античности до наших дней. М., 1990. С. 51–52.

В эпоху Древности и Средневековья, как исторических типах традиционной культуры, власть сакральна, т. е. источником ее легитимации выступает порядок взаимоотношений между миром людей и миром богов. Ни один правитель – глава общины или правитель государства Древности, средневековый император или король не являются с этой точки зрения суверенными, а их жилища представляются не исключительными топосами власти, но частями единого сакрально-политического пространства.

В традиционной культуре топосом власти выступает святилище. Это не обязательно храм, но жилище, гробница, природное пространство или природный объект – медиатор между миром человеческим и миром высших сил. Дворцы Древности и Средневековья являются вариантами сакральных пространств, поэтому справедливо объединить их в тип *дворцов-святилищ*.

Существенным признаком типа дворцов-святилищ является их чрезвычайная близость, порой идентичность формам культовой архитектуры, вызванная качественной близостью, сопоставимостью их как топосов. Дворец-святилище не является качественно определенным в художественном отношении пространством, но произведен от языка сакральных пространств.

В сакрально-магическом политическом пространстве Древней культуры, в которой характер взаимоотношений между миром людей и миром богов носит непосредственный характер, можно говорить об идентичности дворцов и храмов. В них совпадают сами функции пространств, их магические возможности, и как следствие, художественные формы.

В сакрально-символическом политическом пространстве Средневековья, когда между миром божественным и тварным возникает символическая дистанция, можно говорить об уподоблении дворца храму, аналогичному уподоблению храма земного храму небесному. Это уподобление может иметь различные формы – от художественного подобия, включающего жилище правителя и его самого в цепь символических аналогий, до территориальной близости, соседства храма и дворца, этой близостью осененного.

Дворец-произведение искусства как топос власти абсолютной монархии: от Средневековья к Новому времени

Настоящий раздел посвящен рождению собственно дворцового пространства, качественно отличного и от храма, и от жилища. Такой дворец появился в европейской культуре на заре Нового времени. Уникальность европейской ситуации заключалась в том, что здесь сложилась концепция суверенитета – власти, не требующей легитимации свыше, а политическая сфера приобрела автономность по отношению к сфере сакральной. В наиболее полной степени о десакрализации политической сферы можно говорить применительно к национальным суверенным государствам в культуре индустриального типа. Абсолютная монархия как особая структура, свойственная еще не национальным, но территориальным государствам раннего Нового времени, является переходной от сакрально-политической сферы к автономии политического. Но именно с ней, с абсолютной монархией, связано превращение дворца в исключительное место власти.

Власть абсолютного монарха не свободна от сакральной легитимации. Более того, как полагал П. Бурдьё, «начальный символический капитал» святости сыграл решающую роль в процессе формирования абсолютизма, благодаря ему короли заняли исключительную социальную позицию, недостижимую даже для наиболее сильных соперников – братьев короля⁷⁴. Чудесные целительные способности королей, сконцентрированные в одном лице – главе старшей ветви, единственном законном наследнике престола – стали решающим аргументом в установлении династического принципа престолонаследия. По замечанию М. Блока, «ни в одну эпоху квазибожественная сущность королевской власти и даже самой особы короля не подчеркивалась так четко и даже так резко, как в XVII столетии»⁷⁵.

Н. Элиас считал, что в процессе формирования абсолютных монархий решающую роль сыграли так называемые «денежный шанс» и «военный шанс» королевской власти.

Под «денежным шансом» Н. Элиас подразумевал концентрацию в руках королей огромных денежных запасов в эпоху, когда денежный оборот стал играть существенную роль в экономике. «Король, владеющий землями и раздающий земли, превратился в короля, владеющего деньгами и раздающего деньги»⁷⁶. В Средневековье земля давала своему владельцу не только средства к существованию и возможность их защищать (содержать войско), но и независимость от центральной власти, что способствовало политической децентрализации. В денежной экономике раннего Нового времени земельная рента уже не могла обеспечить своему владельцу уровень существования, соответствующий его социальному статусу – демонстративную роскошь хозяина и его щедрость по отношению к поданным⁷⁷. Увеличение денежного оборота в экономике, начавшееся с эпохи Великих географических открытий, оказалось губительно для высших слоев общества – основных соперников монархов в борьбе за верховную политическую власть.

⁷⁴ Бурдьё П. От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // Социологический анализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.; СПб., 2001. С. 148.

⁷⁵ Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии... С. 483. См. также: Эльфонд И.Я. Учение о «божественном праве» государей во Французской доктрине абсолютизма во второй половине XVI века // Средние века. Вып. 58. М., 1995. С. 172–178.

⁷⁶ Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. М., 2002. С. 189–190.

⁷⁷ Гуревич А. Я. Избранные труды. Т. 2. Средневековье. М., 1999. С. 194–204.

Отношения между королем и высшим сословием в абсолютной монархии строились в режиме т. н. «пенсионной экономики» – в раннее Новое время основой жизнеобеспечения знатного сословия и решающим способом поддержать статусный уровень существования стали придворные, дипломатические и военные должности, пенсии и подарки короля. Владение землей продолжало служить, как и в традиционном обществе, обеспечением права на сословный статус, но поддерживать его теперь, в прединдустриальном обществе, стало возможным только с помощью денег. Раздача королями денежных рент «позволяла, а довольно часто и принуждала» оставаться поблизости от короля. Как писал Н. Элиас, «сеньоры и дворяне искали места при дворе или в правительстве; буржуа – административные и судебские должности. Одни столпились вокруг короля, другие захватили аппарат управления. Все эти перемены приближали установление абсолютистского, централизованного, аристократического и бюрократического режима»⁷⁸.

С «денежным шансом» королей напрямую был связан «военный шанс». Под ним понимается меркантилизация войны, вызванная необходимостью оснастить армию огнестрельным оружием, возводить фортификационные сооружения, способные такому оружию противостоять, возможностью формирования наемных армий. Монополия на военную власть перешла от всего знатного сословия к одному его представителю – королю, имевшему возможность содержать за денежное вознаграждение большое, хорошо вооруженное войско. Ленное войско, основу которого составляла тяжеловооруженная конница, а с ним и институт рыцарства, утратили свою роль. «Дворянство вместе с немалой частью своих экономических возможностей утратило одновременно и основы своего социального положения и социальной исключительности, а короли ... обрели грандиозные новые возможности»⁷⁹.

Денежный и военный шансы королевской власти, превратившиеся в «финансовую и военную монополию»⁸⁰, скрепленные символическим капиталом королевской святости, превратили монарха из первого среди равных в фигуру исключительную, вознесенную над социальной иерархией.

Абсолютистские монархии раннего Нового времени, – писал Н. Элиас, – носили патриархальный характер – власть монарха над страной была продолжением и расширением его власти над домом и двором. Понимание государства как королевского дома стимулировали формирование меркантилизма и протекционизма – основных экономических стратегий территориального государства раннего Нового времени⁸¹. Специфическим органом власти в абсолютной монархии стало особое социальное образование или, по Элиасу, «социальная фигурация» – придворное общество, насчитывающее сотни, а то и тысячи людей, соединяющее в себе «функцию домохозяйства всей августейшей семьи с функцией центрального органа государственной администрации, с функцией правительства»⁸². В придворном обществе выковывались кадры административной машины государства, вынашивались законопроекты, готовились военные и дипломатические решения, при дворе воспитывался наследник престола. «Сквозь придворный фильтр проходило все, что прибывало из монаршего владения, прежде чем достичь монарха; через этот фильтр проходило все исходящее от монарха, прежде чем попасть в страну»⁸³.

⁷⁸ Элиас Н. Придворное общество... С. 188–189.

⁷⁹ Элиас Н. Придворное общество ... С. 187. О роли военных технологий в процессе цивилизации см. также: Дьяконов И.М. Пути истории: От древнего человека до наших дней. М., 1994.

⁸⁰ Элиас Н. Придворное общество... С. 189–190.

⁸¹ Чудинов А.В. Экономическая политика английской абсолютной монархии в теории позднего меркантилизма // Экономическая история. Исследования. Историография. Политика. М., 1992. С. 26–42.

⁸² Элиас Н. Придворное общество... С. 10.

⁸³ Элиас Н. Придворное общество... С. 57.

Придворное общество отличалось от сословно-представительных органов власти Средневековья, в которых родовитость была значима сама по себе, вне зависимости от расположения монарха к представителю знатного рода. Да и сам такой представитель был достаточно независим от верховной власти – у него были возможности реализации помимо монаршего двора. В абсолютистской монархии принадлежность к «обществу» и возможности реализации человека напрямую зависели от личного расположения монарха, от его благосклонности или немилости. В придворном обществе складывалась «не получившая институционального оформления и быстрее изменяющаяся актуальная иерархия, определявшаяся той милостью, в которой состоял человек у короля, его властью и значением в рамках придворной системы сил»⁸⁴. Близость к монарху приобретала все большее значение, разделяя само дворянское сословие на тех, кто «принадлежит двору» и тех, кто от него далек. Буржуа получали доступ ко двору, закрепляясь в новой социальной группе, и огромная дистанция отделяла их от других буржуа, отношения ко двору не имеющих. Искусство королевской власти в абсолютной монархии заключалось, по Н. Элиасу, в умении балансировать между сословиями, приближая и отдаляя их представителей, не давая какому либо сословию взять вверх и не допуская объединения их усилий в оппозиции королю. Значимость актуальной иерархии в придворном обществе питала широко распространенную практику фаворитизма.

Придворное общество эпохи абсолютной монархии – это чрезвычайно разросшийся королевский дом и одновременно центральный орган государственной власти. Топос власти раннего Нового времени – дворец – это огромных размеров стационарная резиденция монарха, способная потенциально вместить все придворное общество.

Практика проживания вассалов у своего сюзерена была известна Средневековью. Рыцари время от времени – то по очереди, то по призыву – жили в доме (в замке) сеньора, делили с ним трапезу, воевали, участвовали в суде и советах, при дворе воспитывались и осваивали военное искусство младшие сыновья вассалов. Но только в абсолютной монархии пребывание большого количества знати, а в идеале – всего знатного сословия, при дворе короля стало постоянным и обязательным. Только в эпоху денежного хозяйства стало возможным содержать двор, не идущий ни в какое сравнение с дворами сеньоров Средневековья.

Начиная с эпохи Возрождения, возрастает роль придворного общества во всех европейских странах, и в Европе начинается бурное дворцовое строительство. Как замечал Н. Элиас, во Франции при Франциске I не было вообще ни одного здания, достаточно просторного, чтобы вместить в себя растущий королевский двор. «Вместилище двора эпохи денежного хозяйства» приходится все время расширять и расширять, пока не появляется, наконец, Версальский дворец»⁸⁵. Именно дворцы становятся подлинными топосами власти, настоящими столицами государств: Хэмптон-Корт Генриха VIII, Фонтенбло Франциска I, Лувр Генриха IV, Версаль Людовиков XIV, XV, XVI, дворец Рудольфа II в Пражском Граде, дворец Карла XII в Стокгольме, Виллянов Яна Собесского.

До XVI–XVII веков король-сюзерен выступал в полноте своего символического статуса только в короткие промежутки времени, присутствуя и активно участвуя в государственных церемониях. В абсолютной монархии складываются новые публичные ритуалы, замещающие физическое присутствие монарха – власть репрезентируется обществу молитвой, художественной аллегорией, монументом⁸⁶. Власть репрезентирована корпусом «комиссаров» – чиновников, генералов, которые ведут войско в сражение и вершат суд от имени короля.

⁸⁴ Элиас Н. Придворное общество... С. 114.

⁸⁵ Элиас Н. Придворное общество... С. 198.

⁸⁶ Chartier R. The Cultural Origins of the French Revolution. Durham, London, 1991. P. 127–128; Zanger A. Scenes from Marriage of Louis XIV: Nuptial Fiction and Making of Absolute Power. Stanford, 1997.

Король-суверен постоянно отсутствует для широких слоев населения и постоянно присутствует перед своим двором. Не прекращающийся ни на минуту церемониал придворной жизни (непосредственная, первичная сфера деятельности абсолютного монарха) стал саморепрезентацией суверенной власти⁸⁷. В абсолютной монархии, где король является одновременно объектом и субъектом репрезентации, сфера власти перемещается в эстетическое поле. Разворачивается «интенсивный процесс эстетизации королевского тела и государственной политики в целом»⁸⁸.

В обществе, в котором властвует один лишь король, основным способом реализации сословных обязанностей становится обязанность представлять свой социальный ранг всеми жизненными проявлениями: и манерой поведения, и формами общения, и содержанием дома⁸⁹. Как писал о веке Барокко Ж. Делез: «Были времена, когда мир считали в основе своей театром, сном или иллюзией – или, как говорил Лейбниц, одеянием Арлекина; но отличительная черта барокко заключается не во впадении в иллюзию, и не в выходе из нее, а в реализации некоторого явления внутри самой иллюзии или же в сообщении ей некоего духовного *здесь-бытия*, возвращающего ее частям и кусочкам какое-то совокупное единство»⁹⁰.

Преобразование «сословных обязанностей» в эстетическую практику явилось главной социо-культурной причиной масштабного дворцового строительства, развернувшегося во всех европейских монархиях XVI–XVIII веков.

В XVII веке во Франции установилась иерархия названий аристократических жилищ, которая соответствовала сословной принадлежности хозяев. Обозначение *palais* относилось только к местожительству короля, принцев и духовных иерархов. При этом *grand palais* – только королевские дворцы, *palais* – дворцы принцев и духовных лиц. Особняки высшей придворной аристократии называли *grand hôtel* или *hôtel*, в зависимости от ранга, к XVIII веку это название спустилось по социальной лестнице, отелями стали называть дома богатых налоговых откупщиков⁹¹. Социальная иерархия отразилась и в архитектурном оформлении дворцов – величина здания и его декоративная отделка ставились в зависимость от ранга владельца⁹².

Контакты с людьми придворного общества – визиты, салоны, многочленные приемы и праздники были непосредственным инструментом карьеры, «профессиональной деятельностью» обитателей дворцов, этикет и церемониал – важнейшим инструментом господства⁹³. Чем выше место того или иного представителя дворянского сословия в традиционной, а особенно в актуальной иерархии, тем больше круг его общения.

Площадь двора, вокруг которого группируются части дворцового здания, предполагала количество карет, подъезжающих к дому и размер пути, который посетителю полагалось пройти от кареты пешком. Размеры сада, соотношение парадных и частных апартаментов, количество кухонь и конюшен были рассчитаны на публичную жизнь обитателей и одновременно становились символами их положения, их интересов и притязаний⁹⁴. Наиболее роскошный и обширный королевский дворец представлял собой кульминацию иерархически организованного художественно-политического пространства раннего Нового времени, задавая всем

⁸⁷ Боссан Ф. Людовик XIV, король-артист. М., 2002; Лёнрут Э. Великая роль. Король Густав III, играющий сам себя. СПб., 1999.

⁸⁸ Ямпольский М. Физиология символического... С. 118.

⁸⁹ Подробнее о придворных манерах как репрезентации сословного статуса см.: Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.; СПб., 2001.

⁹⁰ Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М., 1997. С. 218.

⁹¹ Элиас Н. Придворное общество... С. 70–71, 76–77.

⁹² Дмитриева О.В. «Монументы преданности»: частное строительство и организация королевских визитов в елизаветинской Англии // Культура Возрождения и власть. М., 1999. С. 178–186.

⁹³ Apostolidis J.-M. Le roi-machine: Spectacle et politique au temps de Louis XIV. Paris, 1981.

⁹⁴ Элиас Н. Придворное общество... С. 56–85 [Глава III «Структуры жилища как показатель общественных структур»]

другим дворцам и особнякам статусные координаты, артикулированные пластическими формами.

Не только размеры отличают дворцы абсолютного монарха и придворных от резиденций предшествующего времени. Дворец раннего Нового времени стал качественно определенным в художественном отношении объектом, коррелируя с государственной властью, постепенно утрачивающей сакральный компонент в пользу эстетического. Начиная с эпохи Возрождения, дворец задумывался и создавался по законам и правилам Искусства.

Исследователи, изучающие процессы модернизации как перехода от традиционного типа культуры к современному, решающую роль отводят формированию рациональности – стратегий аналитического мышления, в широком смысле жизненных, мировоззренческих стратегий⁹⁵. Генезис рациональности связывается с европейской культурой и признается ее специфическим качеством, важнейшим фактором влияния на мировую культуру⁹⁶. Формой рациональности в переходную эпоху стал теоретический подход к самым разным сферам деятельности, в лоне которого шел поиск универсальных законов – мышления, искусства, политики, науки. Теоретическая мысль в европейской культуре раннего Нового времени исполняла роль традиции, модернизированной, но все же еще традиции, в которой категории добра, истины, красоты по прежнему заданы, укоренены в трансцендентном, а стратегии деятельности подвергнуты анализу.

В раннее Новое время, как и в Средневековье, и в эпоху Древности, право на власть не утратило трансцендентного обоснования. Но формирование абсолютных монархий и то исключительное положение, которое занял абсолютный монарх по отношению к обществу, связано с изменением эпистемологических принципов легитимации власти. Начиная с эпохи Возрождения, подобие монарха Богу все чаще и последовательнее связывается не с системой символических аналогий и магической благодатью «тела», но безличным и универсальным законом, с системой принципов. На суверена постепенно переносятся свойства самопорождающей субстанции, не нуждающейся в основании и внешней причине⁹⁷. Суверенность короля раннего Нового времени это не знак власти, но сама природа власти. Подобие монарха Богу очищается от антропоморфности, превращается в онтологическую абстракцию, принцип, закон. В аргументах теории суверенитета содержатся в зачатке принципы верховной власти закона и идея самообоснования власти, имманентности власти, которые станут основой государства Нового времени.

Понимание политической власти как универсального и всеобщего закона, частным случаем которого являются конкретные политические действия и процессы, соприродно рациональной философии, нацеленной на выработку метода, галлилеевской и ньютоновской физике, объясняющей законы движения материальных тел в однородном бескачественном пространстве, внеличной геометрии, организующей живописные знаки на холсте. Еще Э. Панофский показал, что в линейной перспективе воплощено «современное систематическое пространство» – «в художественно – конкретной сфере раньше, чем в его сформулировала абстрактно-математическая мысль»⁹⁸.

Архитектурный язык дворцового пространства оперировал строгим математическим инструментарием – теорией ордерного пропорционирования, законами симметрии, правилами перспективы. В теории и практике ордерной архитектуры, не меньше, чем в других областях духовных поисков формировался опыт систематического мышления⁹⁹. Л. Таруашвили назвал

⁹⁵ Гайдено П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность: Социология Макса Вебера и Веберовский Ренессанс. М., 1991; Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2002.

⁹⁶ Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты. СПб., 1997.

⁹⁷ Ямпольский М. Физиология символического... С. 146.

⁹⁸ Панофски Э. Перспектива как символическая форма. Готическая архитектура и схоластика. СПб., 2004. С. 71.

⁹⁹ Зубов В.П. Архитектурная теория Альберти, СПб., 2001. С. 91

ордерную архитектуру Нового времени цивилизаторским актом, «волевым самоопределением культурного типа»¹⁰⁰. Правила ордера (правила членения, соответствия частей, соразмерности, гармонии) понимались как универсальные всеобщие законы Красоты, в соответствии с которыми Искусство «оформляет Материю очертанием...»¹⁰¹. Можно было спорить о том, какие ордера совершеннее, правильнее – ордера «древних» или «новых», но мысль о том, что именно «в ордерах заключается все великолепие архитектуры»¹⁰² полагалась бесспорной. Начиная с XV и вплоть до середины XIX века дворцовая архитектура – это архитектура ордера *par excellence*.

Декоративное оформление дворца предполагало единую развернутую сюжетно-тематическую программу, организованную по законам риторики¹⁰³. Риторика была в художественной культуре раннего Нового времени универсальной упорядочивающей инстанцией, ответственной за область художественной нормы. Риторика, включающая в себя в свернутом виде и философию, и этику, и эстетику, имела «статус метатекста с автодескриптивной функцией»¹⁰⁴ – организовывала не только художественный, но целостный социо-культурный мир во всех его проявлениях. Сюжетно-тематическая программа дворцовых резиденций апеллировала к истории и мифологии, создавала историко-мифологическую, литературную ауру власти, служила художественным референтом сакральности королевской власти.

Дворцовая резиденция европейского типа представляет собой тотальное художественное пространство, в котором упразднены все хозяйственные функции в пользу единственной – репрезентативной. Еще Виньола при постройке виллы в Карпаролле размышлял над тем, как организовать пространство, чтобы нельзя было увидеть «ни одного из помещений служб и грязных занятий там происходящих». По поводу отсутствия бытовых помещений во дворцах XVII века О. Шуази обронил: «эти дворцы построены не для простых смертных»¹⁰⁵.

Дворцово-парковый комплекс раннего Нового времени является самодостаточным в художественном отношении пространством, грандиозным и цельным «большим произведением» Искусства, в котором работают все его виды и жанры. Дворец создавался как бы на пустом месте, как «на чертежной доске»¹⁰⁶, точнее пространство, на котором строился дворец, мыслилось как пустое и чудесным образом преображенное. Даже если это городской дворец, как флорентийские палаццо XV века, он не учитывал масштаб улиц и кварталов, не вписывался в городской ландшафт, но «накладывался» на него сверху¹⁰⁷. Точно также не принимался во внимание и деревенский ландшафт: села сносились, а природа перекраивалась в подчинение единому художественному замыслу. Миметическая концепция искусства подразумевала подражание не собственно природе, но законам природы как законам творения. Сама же природа понималась как бесформенная Материя, нуждающаяся в преобразовании Искусством.

Стилистика дворцовых парков, конечно, менялась. Так, важную смысловую роль в Ренессансном парке играли гроты – изображение утробы земли, в которой вызревают формы, и водные потоки, выражающие идею оплодотворяющей силы¹⁰⁸. Образы творящей материи в Ренессансном парке не имели центра, они были распылены повсюду. В парке эпохи Барокко царила

¹⁰⁰ Таруашвили Л.И. Тектоника визуального образа в поэзии античности и христианской Европы: К вопросу о культурно-исторических предпосылках орденового зодчества. М., 1998. С. 320.

¹⁰¹ Альберти Л. Десять книг о зодчестве В 2-х т. Т. 1. Материалы и комментарии / Пер. В.П. Зубова. М., 1935. С. 9.

¹⁰² Чекалевский П. Рассуждение о свободных искусствах. СПб., 1792. С. 168.

¹⁰³ Подробнее: Никифорова Л.В. Дворец эпохи барокко: Опыт риторического прочтения. СПб., 2003.

¹⁰⁴ Лахманн Р. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического / Пер. с нем. Е. Аккерман и Ф. Полякова. СПб., 2001. С. 51.

¹⁰⁵ Шуази О. История архитектуры. Т. 2. М., 1937. С. 521.

¹⁰⁶ Зитте К. Художественные основы градостроительства. М., 1993. С. 125.

¹⁰⁷ Данилова И.Е. Итальянский город XV в. Реальность. Миф. Образ. М., 2002. С. 209–219.

¹⁰⁸ Coffin D.R. The Villa d'Este at Tivoly. Princeton, 1960.

власть геометрии, сдерживающей природную силу, покоряющей ее закону: «прямые линии чертежей, говорящие о своем согласии с абстрактным великим Божьим миром, геометрическая молитва в духе Мальбранша...»¹⁰⁹. Сложившийся «французский» парк центрирован уходящей в бесконечность осью перспективы, проложенной от *точки зрения* короля, располагавшейся в центре дворцового фасада прямо на оси симметрии. Именно в барочном парке монарх выступал как аллегорический гарант порядка. В ландшафтном (английском) парке царила искусно созданная естественность. Но и в том, и в другом, и в третьем случае работали законы и правила искусства, каждый раз понимаемые как универсальные. Дворец занимал в этом комплексе центральное место – не всегда в геометрическом, но всегда в сюжетном, смысловом отношении. Если парк семантически олицетворял весь мир¹¹⁰, то дворец был его «действующей причиной».

В Искусстве Нового времени существенным образом изменились роли дворцов и храмов в культурном ландшафте. В Средневековье храм был центром символически осмысленного пространства. Аналогии власти земной и власти небесной вели к включению резиденций монархов в пространство монастыря, к уподоблению дворца храму. Универсальные законы Красоты уравнивали дворцы и храмы в качестве произведений Искусства, что вело к постепенному угасанию символического первородства сакральной, храмовой архитектуры. Параллели между архитектурными решениями и декоративным оформлением дворцов и храмов раннего Нового времени, на которое указывают историки архитектуры¹¹¹, мотивировано теперь не желанием уподобить дворец храму или храм дворцу, но универсальностью правил Искусства. Можно говорить о том, что дворец и храм поменялись местами: если в Средневековье дворец был частью церковного комплекса, в котором храм доминировал и художественно, и символически, то в дворцовых ансамблях XVII–XVIII веков ситуация изменилась кардинально – церковь стала частью дворца.

Новый тип резиденции правителя, позволительно назвать *дворцом – произведением искусства*. Типологическим признаком таких дворцов является их создание по законам и правилам Искусства, которые понимались как универсальные, всеобщие.

Новое время: дворец как идеологема власти

В индустриальной культуре власть лишена сакральной легитимации, нивелирована ее эстетическая окраска. С этой точки зрения дворцовое строительство XIX–XX веков должно выглядеть явным анахронизмом. Дворец «выживает» в индустриальном обществе как идеологема власти, архитектурная декларация политического и социального устройства государства.

Государство индустриального общества это государство демократическое, национальное, бюрократическое, власть в нем носит секуляризованный характер. Демократическим государство является в том смысле, что источником власти, сувереном, выступает не отдельная личность (наследственный монарх), а народ – весь народ. По словам известного политолога К. Шмитта, идея народного суверенитета была «самой сильной идеей» XIX века, а ее столкновение с монархическим принципом – ведущей тенденцией столетия¹¹². Как писал И. Валлерстайн, «В те два века, что последовали за французской революцией, эта теоретическая конструкция завоевала весь мир и мало кто оспаривает ее сегодня, несмотря на все попытки ...

¹⁰⁹ Шоно П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005. С. 447. Также см.: Алпатов М.В. Архитектура и планировка Версальского парка // Вопросы архитектуры. М., 1935. С. 93 – 116.

¹¹⁰ Лихачев Д.С. Поэзия садов. Л., 1982. С. 70–82.

¹¹¹ Бартнев И.А., Батажкова В.Н. Очерки истории архитектурных стилей. М., 1983. С. 152; История русской архитектуры. СПб., 1994. С. 311.

¹¹² Шмитт К. Политическая теология. Сборник / Переводы с нем., заключит. стат. и составление А. Филиппова. М., 2000. С. 165–166.

опровергнуть эту доктрину, и, несмотря на многочисленные примеры того, как де факто игнорируется суверенитет народа»¹¹³.

Демократическое государство индустриального общества – это национальное государство. Сувереном выступает народонаселение страны, осознающее свое национальное единство – общность происхождения, языка, истории. Национальность, понимаемая как гражданство, далеко не всегда совпадает с этническими корнями населения той или иной страны – государствами-нациями становятся в индустриальном мире и моноэтнические, и полиэтнические государства. Принадлежность человека к государству, которая в средневековом обществе имела характер лояльности, личной преданности сюзерену, в индустриальном обществе раскрывается как принадлежность к политическому целому. Национальное сознание является ведущей формой коллективной идентичности, если не отменяющей, то перекрывающей все остальные, а государство-нация становится субъектом политического процесса.

Ю. Хабермас показал, что пониманию нации как народонаселения государства предшествовала т. н. «дворянская нация», поясняя, что в абсолютной монархии дворянство было единственным сословием, имевшим политическое существование¹¹⁴. Общность происхождения дворянства связана с сословным единством, инкорпорация представителей «третьего сословия» в политические структуры выглядела как аноблирование, общность языка и истории «дворянской нации» связаны с античным наследием, имевшим статус классического, с универсальными законами Искусства. Придворные общества «старого режима» составляли в этом смысле «национальное» единство. Формирование государства-нации было движением «сверху» – от просвещенной и образованной части «дворянского сословия», от интеллектуальной элиты вниз по социальной лестнице¹¹⁵.

Государство в индустриальном обществе – это бюрократическое государство или государство чиновников. Как писал Н. Бердяев, на смену «аристократическому принципу культуры», требующему от лиц, стоящих у власти, «подбора качеств», приходит демократический «принцип техники»¹¹⁶ – требование специализированного научного знания и профессиональной компетентности. Отбор на должности («рекрутирование» по М. Веберу) государственного аппарата и органов власти регламентируется определенными процедурами, требует наличия у кандидата квалификации, подтвержденной формальными свидетельствами. «Бюрократическое правление означает господство на основе знания – в этом заключается его специфически рациональная основа»¹¹⁷.

Демократия посттрадиционного государства не исключает монархию как форму политического устройства. Структура «демократической монархии» обсуждалась в политических теориях Нового времени¹¹⁸, отрабатывалась в практике Славной революции в Англии 1688 года¹¹⁹.

Однако в посттрадиционном обществе институт монархии и личность монарха оказываются разведены. Разделение публичной и приватной сфер жизни могло проявляться в подчеркнутой аскетичности личной жизни монарха в сочетании с репрезентативностью придворных ритуалов (Петр I, Франц Иосиф I). Монарх обрел право на приватную сферу и все чаще стал выступать в роли частного лица – супруга и отца (Николай I), любителя музыки и сочинителя (Леопольд I Габсбург), вплоть до монархов, откровенно тяготившихся своим «профессиональ-

¹¹³ Валлерстайн И. Общественное развитие или развитие мировой системы // Вопросы социологии. 1992, № 1. С. 78.

¹¹⁴ Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. СПб., 2001. С.207–208.

¹¹⁵ Оболенская С. Метаморфозы и судьбы некоторых национальных идей в XIX столетии // Россия XXI. 2003, № 2. С. 99.

¹¹⁶ Бердяев Н. Человек и машина. Проблема социологии и метафизики техники // Вопросы философии. 1989, № 2. С. 154.

¹¹⁷ Цит по: Шмакова Р.П. Типы лидерства в социологии М. Вебера // Социологические исследования. 1988, № 5. С. 135.

¹¹⁸ Кушева М.В. Монархия и общество: взгляды французских мыслителей. 1715–1748 годы // Новая и новейшая история. 2004, № 5. С. 81–86.

¹¹⁹ Айзенштадт М.П. Великобритания Нового времени. Политическая история. М., 2002.

ным долгом» и предпочитавших управлению государством романтическую мечту (Людовиг II Баварский) или семейное счастье (Николай II).

С точки зрения императива компетентности монарх в посттрадиционной культуре «с безусловной неизбежностью всегда и постоянно является *дилетантом*» (М. Вебер)¹²⁰, а значит, нуждается в профессионалах и специализированных институтах государственного управления. Сочетание монархии с различными демократическими институтами власти оправдано с точки зрения «технологии» власти в индустриальном мире.

Демократия как идея суверенитета народа не исключает диктатуру как форму правления. По М. Веберу диктатор – это харизматический лидер. Харизматическая власть, как считал М. Вебер, выполняет особую функцию, являясь своего рода катализатором при переходе общества от традиционных форм власти к рациональным, а затем «растворяется» в рационально организованных структурах¹²¹. По мнению К. Шмитта, оппонента М. Вебера, диктатура – неизбежное следствие демократии. Демократические аргументы, писал К. Шмитт, основаны на ряде тождеств: «тождество правящих и управляемых, тождество субъекта и объекта государственного авторитета, тождество народа и его репрезентации, тождество государства и закона, наконец, тождество количественного (численного большинства и единогласия) и качественного (правильность закона)»¹²². Диктатура в демократическом государстве следует из теоретической и практической возможности отождествить меньшинство с народом и перенести понятие из области количественного в область качественного.

Власть в суверенном национальном демократическом государстве легитимирована представлением о нации-суверене, концептом «воли народа». Идеология демократической власти не лишена иррационального компонента – веры, положенной в основу политического принципа разделения властей и правоты большинства. Но осознание и «разоблачение» иррациональности демократии состоится позже – в общем проекте «разоблачения» культуры модернизма – и станет одним из симптомов конца Нового времени.

Для нашей темы важно то обстоятельство, что государство Нового времени во многих своих моделях и формах преемственно по отношению к абсолютной монархии. Формирование демократической идеи историки описывают как перенос идеи суверенитета с одной личности (наследственного монарха) на весь народ, становление национального самосознания связывают с общностью «дворянской нации», истоки принципа взаимного уравнивания властей находят в сословно-представительной системе, бюрократизация аппарата управления выглядит как дальнейшее развитие сословно-бюрократического аппарата абсолютной власти, формы межгосударственных отношений между равноправными суверенными партнерами восходят к Вестафальской системе 1648 года.

Дворец как топос власти также унаследован культурой индустриального общества от предшествующей эпохи. Тип дворцового здания эпохи абсолютных монархий стал прообразом резиденций органов демократической власти, а также отправной точкой развития общественных зданий, типология которых в индустриальном мире стала чрезвычайно разветвленной.

Дворцовое строительство в индустриальном мире разворачивается по нескольким направлениям. Наиболее традиционным его вариантом, угасающим к началу XX века, является строительство резиденций «действующих» монархов.

Разделение профессиональной (публичной) и частной жизни привело к разделению дворцов на два типа – официальные резиденции и частные особняки. Официальные резиденции правящих домов, построенные в XIX веке, носили облик дворца-произведения искусства: Букингемский дворец в Лондоне; Карлтон-Хауз в Лондонском Уэст-энде; «Новый Гофбург»

¹²⁰ Вебер М. Политические работы (1895–1919). М., 2003. С. 103.

¹²¹ Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования. 1988, № 5. С. 139–158.

¹²² Шмитт К. Политическая теология... С. 180.

Габсбургов в Вене, Королевский дворец в Праге, Михайловский дворец в Петербурге. В том же духе отстраивались парадные королевские резиденции во вновь образованных монархиях: Старый дворец в Афинах, дворец Сан-Кристан в Рио де Жанейро, дворец Абдин в Каире¹²³.

Городские резиденции членов правящего дома утратили многие компоненты «дворцового» облика. Прежде всего, исчез парадный двор и сад – то, что было исключением в XVII–XVIII веках, стало нормой в городах XIX века. Дворец XIX века вынужден встраиваться, втискиваться в плотную сеть городской застройки – становится в единый фронт улицы, считается с интересами владельцев соседних участков. Новые загородные резиденции монархов XIX века продолжали называть дворцами, но в стилистике, планировке, организации внутренней жизни они превратились в частные дома. Если дворцы XVII–XVIII веков представляли собой вариации одной художественной модели, то загородные дворцы века XIX отличаются крайней индивидуальностью. Они программно непохожи на «стандартные» дворцовые решения и друг на друга.

Одни подчеркнуто интимны и уютны: Шарлотенхоф в Потсдаме, неоготический коттедж Николая I в Петергофе, неоклассический дворец Итамаранди в Катте, Бразилия. Другие «просты»: бревенчатый загородный дом короля Норвегии Хакона VII в окрестностях Христиании (Осло), загородные виллы Александра III в Финляндии¹²⁴. Третьи романтичны: загородная резиденция Наполеона III замок Пьерфон, замок в Шверине великого герцога Фридриха Франца Мекленбургского, дворец Александра III в Верхней Массандре, дворцы Людвига II Баварского Нойшванштайн, Линдерхоф, Херенкимзее¹²⁵.

Королевские, царские, императорские дворцы XIX века, существующие во множестве лиц, утратили не только прежнее единство дворцового облика, но и, что более существенно, роль эстетической доминанты. Еще совсем недавно в дворцовом строительстве разворачивались стилистические и технологические новации, теперь творческий поиск связан с другими типами зданий. Прежде дворцами восхищались, им подражали, теперь дворцы вызывают удивление, иногда недоумение, порой заставляют сомневаться в душевном здоровье заказчиков, как произошло с Людвигом II Баварским.

Городские дворцы представителей правящей семьи остались разновидностью статусного строительства, предполагающего высокое социальное положение и публичные обязанности своих обитателей. Рядом с ними, часто соперничая в роскоши или эстетическом вкусе, появились частные особняки купцов, промышленников, банкиров. Петербург превратился в «город дворцов» не в XVIII, а во второй половине XIX века благодаря чиновникам и купцам, строившим дома «во вкусе Растрелли»¹²⁶. В США на рубеже XIX – XX веков несколько фирм занимались строительством «дворцов для миллионеров». Некоронованные короли Нового света демонстрировали свои неограниченные финансовые возможности, поселяясь в копиях римских палат (дом железнодорожного магната Уилларда) или замков Луары (поместье Билтмор У. Вандербилта)¹²⁷, устраивая в них «королевские» праздники¹²⁸. Строительство частного особняка дворцового типа означало теперь не сословное право или долг, но финансовые возможности частного лица и претензии частного капитала на публичное признание.

Тиражирование художественных форм, сделавшееся возможным благодаря промышленному производству, вело к вульгаризации дворцового образа, становилось знаком не только богатства, но и безвкусицы. Вариантом общедоступной роскоши стали Палас-отели и Гранд-

¹²³ Воронина В.Л. Каир. Л., 1974. С. 56.

¹²⁴ Туоми Никула Й. и Т. Императоры на отдыхе в Финляндии / Пер. с финского З. Тесленко. СПб., 2003.

¹²⁵ Petzet M. Gebaute Träume: Die Schlösser Ludwigs II von Bayern. München, 1995.

¹²⁶ Бурдяло А.В. Необарокко в архитектуре Петербурга. Эkleктика. Модерн. Неоклассика. СПб., 2002. С. 205–206.

¹²⁷ Kidney W. The Architecture of Choice: Eclecticism in America. 1880–1930. N-Y., 1974.

¹²⁸ О празднике во дворце «железнодорожного короля» Вандербилта: Празднества у американского Креза // Нева. 1886, № 3. С. 11

отели – гостиницы в виде дворцов, т. н. «дешевые дворцы», «ложные дворцы» в смешанном ренессансно-барочном стиле. Родиной палас-отелей была Швейцария, переживавшая в конце XIX века курортный бум¹²⁹.

Рядом с резиденциями монархов или вместо них вставали здания органов демократической власти, утверждая политический суверенитет государства-нации. Поиски форм для зданий новой власти начались уже во время Французской революции, в 1790–1797 годах было создано много проектов дворца Ассамблеи. В результате Национальная Ассамблея заняла дворец Тюильри, который был по этому случаю переименован в Национальный дворец¹³⁰. После пожара, уничтожившего Тюильри, Ассамблея переехала в Бурбонский дворец. По этому случаю была обновлена монументальная отделка и Э. Делакруа выполнил росписи на темы истории цивилизации.

В результате практически все органы власти во Франции расположились в бывших королевских дворцах или аристократических отелях: резиденцией президента стал Елисейский дворец, Государственный архив расположился в отеле Субиз. Собственный дворец был построен, пожалуй, только для французской Фемиды – новый корпус дворца Правосудия завершил собой исторический комплекс на острове Ситэ, включающий остатки резиденции галльских цезарей, Меровингов, Капетингов, капеллу Сен-Шапель, связанную с почитанием Людовика Святого¹³¹.

Дворцовый облик отличает в первую очередь здания законодательной и судебной ветвей власти. Им в большинстве случаев официально присваивалось имя дворца – дворцы парламента, дворцы правосудия.

Дворцовые композиции эпохи абсолютизма становились образцом пространственно-планировочной композиции для вновь строящихся правительственных зданий. Парадная лестница – главное звено системы интерьеров, обширные вестибюли, холлы, галереи, залы заседаний – все это было парафразом парадных дворцовых анфилад. Интерьеры дворцов Парламентов и дворцов Юстиции украшались с подчеркнутой репрезентативностью и назидательностью.

Выбор стилистического прототипа играл в архитектуре XIX века важную идеологическую роль, помещая новые типы зданий и, соответственно, новые социальные институты в исторический контекст. Архитектура правительственных дворцов свидетельствовала об укорененности демократической власти в истории государства, в истории цивилизации.

Готические формы английского парламента – Весминстерского дворца, возведенного после опустошительного пожара 1834 года, были для современников утверждением средневековых корней парламентаризма. Сам О. Пьюджин в своей «Апологии возрождения христианской архитектуры в Англии» доказывал, что готика соответствует британскому национальному характеру¹³². В формах неоготики построено «огромное» здание суда на Флит-Стрит в Лондоне, отличающееся «неуклюжей и наивной живописностью»¹³³, Парламентский дворец в Будапеште, парламентский комплекс в Оттаве. В последнем случае готические формы отсылали еще и к образцу метрополии – Канада по сей день формально управляется английской королевой¹³⁴.

¹²⁹ Иконников А.В. Архитектура XX века. Архитектура и Утопия. Т. 1 М., 2001. С. 55.

¹³⁰ Швидковский Д.О. Архитектура Франции // История искусства стран Западной Европы XIX века. Книга 1. СПб., 2003. С. 53.

¹³¹ Дворец Юстиции в Париже. Его обитателя и нравы /Пер. с фр. А.Марконета. М., 1896.

¹³² Швидковский Д.О. Архитектура Англии // История искусства стран Западной Европы XIX века. Книга 1. СПб., 2003. С. 81–82.

¹³³ Иконников А.В. Лондон. Л., 1972. С. 27.

¹³⁴ Gowans A.W. Looking at architecture in Canada. Toronto, 1958; Corlass H. Ottawa. London, 1958.

Идея античных истоков демократической цивилизации питала правительственный «неогрек»: дворец Справедливости (суд) в Лионе¹³⁵, дворец Юстиции в Генте, здание парламента в Вене, в котором, как писал К. Зитте, за фасадом в духе «греческого ренессанса» находился «бароккальный дворец»¹³⁶. Идея античных корней демократии была последовательно раскрыта в декорации Венского парламента¹³⁷.

Надо заметить, что откровенная дидактичность монументальной декорации правительственных дворцов к концу XIX века ощущалась как безнадежно устаревшая, но идеологически оправданная. Автор книги о дворце Юстиции в Париже, описав многочисленные композиции на тему «Закона покровительствующего» и «Закона карающего», «Святого Людовика, творящего суд под дубом» и «Людовика XVI с адвокатами, обязанными защищать его перед Конвентом», предложил одеть богиню Правосудия в модный наряд и заменить зеркало истины у ее ног на фотообъектив¹³⁸.

К образам «золотого века» абсолютизма отсылали ренессансные и барочные формы дворцов Юстиции в Мюнхене, Вене, Риме, Федерального суда в Лозанне, Прусского ландтага и Рейхстага в Берлине, Федерального дворца в Берне, парламента в Стокгольме. Образцом для такого типа правительственных зданий считается дворец юстиции в Брюсселе, о котором выразительно высказался Поль Верлен: «нечто вавилонское и микеланжеловское с долей Пиранези. И всплеск – всплеск безумия... Извне – колосс, внутри – монстр. Оно хочет быть огромным – и оно огромно»¹³⁹.

Большинство этих зданий отличают не просто большие, но гигантские размеры, они перекроили городской ландшафт, стали новыми пространственными доминантами. Гигантизм, ставший отличительной чертой правительственной архитектуры второй половины XIX–XX века, не следует считать одним лишь следствием дурного вкуса. «Чем больше город, тем больше и обширнее становятся площади и улицы, тем выше и объемнее здания», – писал К. Зитте в 1889 году, рассуждая о художественном облике города в урбанизированном обществе, – «градостроительство должно приготовить собственный масштаб для миллионного города»¹⁴⁰. Монструозные дворцы парламента и дворцы юстиции конца XIX века были, по существу, ответом на вызов урбанизации.

Эстафету преемственности между необарочными и неоренессансными дворцами парламента, дворцами юстиции конца XIX века и правительственными зданиями века XX передали американские небоскребы 1920–1930-х годов (Эмпайр-стэйтс-билдинг, Крайслер-билдинг, Рокфеллер центр). В архитектурных манифестах эпохи «просперити», переживших «великую депрессию», иная стилистическая трактовка художественных форм не изменила, но усилила главный аспект образа – гигантский масштаб. И хотя эпоха глобального лидерства США была еще впереди, здания крупных корпораций соразмеряли себя уже не с миллионным городом, но с целым миром. В довоенную эпоху, в период классического индустриализма только в США здания компаний действительно соперничали с правительственными – вложением капитала, размерами, претензиями художественного образа. А.В. Иконников метафорически определял архитектуру американских небоскребов как «стиль биг-бизнеса», а правительственные здания Европы и СССР как «стиль власти». Их несомненное стилистическое единство и преемственность «стиля бизнеса» по отношению к «стилю власти» XIX в. можно трактовать как отчетливые претензии большого бизнеса на власть, в том числе и политическую.

¹³⁵ История искусства стран Западной Европы XIX века. Книга 1. СПб., 2003. Ил. 11–12.

¹³⁶ Зитте К. Художественные основы градостроительства... С. 212–215.

¹³⁷ Вена. Сборник-путеводитель / Под ред. П. Звездича. М., 1911. С. 273–274.

¹³⁸ Дворец Юстиции в Париже ... С. 289.

¹³⁹ Цит. по: Иконников А.В. Историзм в архитектуре. М., 1997. С. 245.

¹⁴⁰ Зитте К. Художественные основы градостроительства... С. 154.

Архитектура правительственных зданий в европейских колониях была прямо ориентирована на дворцовую архитектуру метрополии, да и возводились они главным образом европейскими архитекторами. Правительственный комплекс Калькутты повторял планировку и архитектуру Келдстон-Холла Р. Адама. Здание парламента в г. Сингапуре (владение Британской империи) выполнено в формах неоампира¹⁴¹. Дворцы Юстиции в Ороне (Алжир), Касабланке (Марокко) были выполнены в формах французского классицизма.

Перенос центра Британских имперских владений в Дели сопровождался созданием «нового Версаля», в центре которого дворец вице-короля Индии, окруженный зданиями парламента, секретариата, дворцами туземных правителей. «Картография колониальной власти хорошо просматривалась в планировке городского пространства... Широкие авеню Нового Дели отделили белых правителей от коричневых *бабу*, тщательно соблюдая их разделение по статусу»¹⁴². Выбор образов для столиц в колониально зависимых странах был продиктован не столько эклектическим принципом «умного выбора», сколько политическим принципом лидерства, не предполагающего эстетических возражений.

В архитектуре стран Азии и Африки первой половины XX века сформировалось понятие «европейского центра», подразумевавшее, во-первых, сосредоточение правительственных зданий в одном месте, в идеале – на одной главной городской площади столицы, во-вторых, европейские, чаще всего в духе ар-деко, архитектурные формы. В непосредственной близости от «европейских центров» отстраивались офисы крупнейших европейских и американских фирм и отели. Так возникали Новые Афины, новый Каир, новый Дамаск, новый Алжир. Безапелляционность европейского вторжения в художественные ансамбли неевропейских столиц достаточно определенно выражала политические претензии Европы.

Еще одной разновидностью зданий-символов политического пространства индустриального мира стали резиденции международных организаций, призванных регулировать взаимоотношения между суверенными государствами-нациями. Первые международные соглашения, демонстрировавшие выступление на политическую сцену суверенных государств, были ситуативны, зависимы от конкретных военных операций (Вестфальский мир, Священный союз). С начала XX века строятся специальные здания, одним своим присутствием декларирующие постоянство международных соглашений и возможность мирного урегулирования взаимных претензий. В стилистическом отношении все эти здания разные. Единственное, что их объединяет – программный интернациональный подход к строительству. От международных конкурсов на дворец мира в Гааге и дворец Лиги Наций в Женеве (1938)¹⁴³ до интернационального коллектива архитекторов здания Юнеско в Париже.

С дворцовой темой связан еще один архитектурный сюжет – появление целого ряда типов общественных зданий культурно-просветительной функции. В аксиосфере национального суверенного государства важное место занимает культурное наследие – корпус памятников, артефактов, подтверждающий национальное единство, легитимирует само существование нации и ее право на политический суверенитет. Национальные театры, Национальные музеи, Национальные библиотеки, Национальные университеты появляются в качестве институтов, ответственных за сохранение, изучение и распространение национального наследия, и в этом смысле играют политическую роль, несут идеологическую нагрузку.

Новые типы общественных построек были во-многом связаны с дворцовыми прообразами. Некоторые из них назывались дворцами, закрепляя в самом имени высокий статус этих учреждений: дворец Архивов и дворец Университета во Франции (не осуществлены), дворец

¹⁴¹ Чуфрин Г.И. Сингапур. М., 1970.

¹⁴² Бавискар А. Выбор между насилием и желанием жить: роль пространства власти и личности в создании большого Дели // Международный журнал социальных наук. 2004, № 44–45. С. 113; Gupta N. Delhi Between Two Empires, 1803–1930. Society, Government and Urban Growth. Delhi, 1981.

¹⁴³ Уиттик А. Европейская архитектура XX века. М., 1960. С. 28, 30–32

Занятий школы изящных искусств в Париже¹⁴⁴. В дальнейшем от дворцового имени отказались: лишь иногда, метафорически, могли назвать библиотеку дворцом Книги или школу храмом Знаний. Между тем стилистические прототипы, использованные в архитектуре библиотек, музеев, театров, университетов, превращали их во «дворцы и храмы» национального наследия.

Римский Пантеон послужил стилистическим прототипом для целого ряда зданий библиотек и архивов: читальные залы Британского музея, Национальной библиотеки в Париже, библиотеки в Стокгольме. Греческие и римские образцы, превращали музеи в святилища Национальной культуры. Дворцовые прототипы без труда узнаются в университетских комплексах: университет в Шарлоттсвилле, США¹⁴⁵, университет в Вене¹⁴⁶, здание Национальной оперы в Париже, ставшее образцом для театральных зданий рубежа XIX–XX веков. Вариациями на тему дворца стали Национальная галерея и Британский музей в Лондоне, музей Прадо в Мадриде, национальные музеи в Будапеште, Праге, публичная библиотека в Бостоне.

Своеобразной формой национальных музеев стали «действующие» дворцы – резиденции правящих монархов и членов их семьи. В отличие от XVII–XVIII веков, когда осмотреть Версаль или Петергоф могли только лица дворянского звания и только по протекции, со второй половины XIX века во дворцы стали допускать посетителей. За определенную плату в определенные дни и часы любой желающий мог осмотреть императорские дворцы, например, в Германии. Частичная музеефикация «действующих» дворцов была своеобразной «национализацией» художественного наследия, которое «создано руками лучших представителей нации»¹⁴⁷.

Вслед за Национальными музеями, библиотеками, театрами ориентированными на сохранение исторического прошлого нации, появились здания, предназначенные для актуального настоящего – выставок современного искусства, собраний общественности, фестивалей и конкурсов государственного и национального масштаба. Среди первых – дворец выставок Запейон в Афинах.

Дворцами индустриального мира были многофункциональные комплексы, связанные с доминантными для индустриального мира практиками человеческой деятельности. Успехи промышленного производства демонстрировались в выставочных дворцах, которые были возведены в различных европейских столицах ко Всемирным промышленным выставкам; некоторые из них стоят до сих пор. Первым стал Хрустальный дворец Всемирной Лондонской выставки. Имя дворца оказалось присвоено выставочному павильону с легкой руки журналиста, но затем стало привычным; Дворец Индустрии с Галереей машин для Парижской выставки 1855 года¹⁴⁸, Дворец Машин 1889 г. в Париже, необарочные Гран-палé и Пти-палé. Дворцы промышленности, дворцы Индустриализации были построены в Праге, в Брюсселе, выставочным дворцом был парижский дворец Трокадеро на холме Шайо¹⁴⁹. Промышленные выставки были кульминацией индустриальной культуры XIX века, они не только демонстрировали плоды промышленной деятельности, но и, как считал З. Гидион, формировали «дух соревнования», «дух свободной конкуренции»¹⁵⁰. Обращение к дворцу как к универсальному прототипу было вдохновлено самой атмосферой праздника, сопровождавшей каждую выставку, рождено оптимистическим этапом индустриальной культуры.

З. Гидион считал, что праздничный тон индустриального соперничества утратил актуальность к концу XIX века, были выработаны менее дорогие формы показа новой продукции, а промышленность стала чем-то само собой разумеющимся. Началом конца индустриальной

¹⁴⁴ Шукурова А.Н. Архитектура Запада и мир искусства XX века. М., 1990.

¹⁴⁵ Иконников А.В. Архитектура США. М., 1979. С. 8, ил. с. 12.

¹⁴⁶ Зитте К. Художественные основы градостроительства... С. 54–55.

¹⁴⁷ Русский путеводитель по Берлину /Сост. Н.В. Астафьев. Berlin, 1904. С. 125–129.

¹⁴⁸ Гидион З. Пространство, время, архитектура. М., 1984. С. 170.

¹⁴⁹ Моруа А. Париж. М., 1970. С. 123.

¹⁵⁰ Гидион З. Пространство, время, архитектура. М., 1984. С. 165.

феерии стал бутафорский Белый город в Чикаго для Всемирной Колумбийской выставки 1893 года¹⁵¹.

Дворцы индустриального общества, в массе своей, утратили место в авангарде художественного процесса. В эпоху, когда остро ценилось новаторское оригинальное авторское высказывание, они часто вторичны, подражательны, тиражируемы. В отношении дворцов не действует принцип экономичности, сомнителен принцип эффективности, столь важные в рационально организованном обществе. Дворцы в индустриальном мире стали прежде всего *идеологемами* власти – декларациями политического и социального устройства государства.

Если в культуре раннего Нового времени способы репрезентации власти были заданы искусством, его «всеобщими» темами, сюжетами, принципами, то в культуре эпохи модернизма искусство, скорее, используется для выражения значимости общественных институтов. Архитектурные формы резиденций власти и важнейших государственных учреждений декларировали укорененность институтов государственной власти в истории страны, в истории цивилизации (историзм XIX века), историческую правоту власти (монументальный историзм XX века), провозглашали технический прогресс как счастливое будущее (аванград и неоаванград XX века).

Художественные особенности дворцов Нового времени объединяет не близость художественных форм, но общий принцип – вера в то, что идеология, т. е. важнейшие теории политического устройства, могут быть адекватно выражены языком искусства. Общим для дворцов нового времени является прежде всего имя, которое стало знаком, маркирующим принадлежность здания и размещенного в нем учреждения, сфере государственных интересов. Поэтому дворцы Нового времени – резиденции органов власти и важнейших общественных институтов – объединены в тип *дворца-идеологемы*.

Законы и правила искусства в культуре модернизма утратили универсальный характер. Под воздействием исторического императива классика стала одной из форм художественного, равноправной по отношению к другим его формам. Сфера «чисто художественного» стремительно уменьшалась до «размеров» личной жизни и личного творчества, тогда как в общественной жизни – в политике, экономике, образовании – искусство превращалось в средство для выражения общественных и политических идей. Это не отменяет искренности художественного творчества, как, впрочем, не отменяет искренней веры в идеологию власти народа, в науку и технический прогресс.

Дворец-симулякр и проблема власти в культуре Новейшего времени

Мир после второй мировой войны получил название двухполюсного мира, он был представлен двумя системами – капиталистической и социалистической или, по И. Валлерстайну, капиталистической миросистемой и ее антисистемой¹⁵². Лидерство европейских стран – США или СССР в каждой из систем было недвусмысленно закреплено в архитектурном ландшафте образами правительственных зданий. В «европейских центрах» неевропейских столиц воспроизводилась знакомая колониальная модель, за что правительственная архитектура второй половины XX века в Азии и Африке получила название «импортированного модернизма»¹⁵³. Дворцы парламентов, президентские дворцы, дворцы юстиции, национальные музеи, библиотеки, университеты воплощали европейскую в своей основе модель суверенного государства-нации. Лидерство СССР в странах социалистического блока было архитектурно обо-

¹⁵¹ Иконников А.В. Архитектура США. М., 1979. С. 43–44.

¹⁵² Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2003. С. 178.

¹⁵³ Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. Т. 2. М., 2002. С. 210.

значено не менее прямолинейно – парафразом главной площади советской столицы в Улан-Баторе¹⁵⁴, «сталинской высоткой» в Варшаве¹⁵⁵.

Прямолинейность архитектурного вторжения была снята универсальной стилистикой «современного движения». Принципы «современной архитектуры» – целесообразной функциональной организации пространства – постулируемые как строго рациональные, но внедряемые с большим эмоциональным напряжением и романтическим воодушевлением, стали основой образа правительственных зданий конца 1960–1970-х годов. Формы «современной архитектуры» понимались ее творцами в ключе символического равенства граждан в государстве и государствах в мире. Они были программно лишены национальной окраски – ничего, кроме «мудрой, правильной и восхитительной игры освещенных объемов»¹⁵⁶. Один из латиноамериканских архитекторов, отвергая язык исторических форм в пользу чистого языка «современной архитектуры», заявлял: «никто не хочет превращать свое прошлое в будущее»¹⁵⁷.

Наиболее масштабными примерами воплощения принципов «современной архитектуры» стали правительственный комплекс Чандигарха и Бразилиа с дворцами правосудия, дворцами Ассамблеи и Национального конгресса, губернаторским и президентскими дворцами. В новых дворцах не осталось ничего от классического прототипа дворцового здания, но сама задача – возвести новый город в пустыне, «быстро, словно по мановению волшебства»¹⁵⁸ – продолжала дворцовую традицию Нового времени. В начале XXI века славу Чандигарха и Бразилиа, несмотря на критику последних за чрезмерную утопичность, собирается разделить Астана – новая столица Казахстана.

Идеи международного сотрудничества как диалога равноправных суверенных государств были художественно репрезентированы многочисленными зданиями международных организаций: ООН¹⁵⁹, ЮНЕСКО, НАТО, организации Варшавского договора, Совета Экономической взаимопомощи¹⁶⁰, Лиги арабских стран¹⁶¹, Организации стран экспортеров нефти, Африканского национального конгресса. Теперь их почти не называли дворцами, но штаб-квартирами или, нейтрально, зданиями. Сама смена имени свидетельствовала о состоянии «напряженности» в мире, обладающим самым мощным за всю историю человечества оружием и осознавшим безграничность государственной агрессии.

В отношении принципов легитимации власти обе миросистемы типологически едины – источником суверенитета выступает народ, понимаемый как все народонаселение страны. Однако демократия посттрадиционного типа, в отличие от демократий в традиционных обществах, является представительской демократией. Основной ее парадокс заключается в отрыве суверена от своих представителей и в фактической независимости органов власти от народа, чье право на политическое волеизъявление превратилось в спектакль¹⁶². Проблема преодоления этого разрыва, выразившаяся и в философском «разоблачении» демократии, и в поисках конкретных политических стратегий, была известна обеим миросистемам, несмотря на то, что могла обсуждаться в разных терминах.

¹⁵⁴ Ломакина И.И. Улан-Батор. Л., 1977. 103–105.

¹⁵⁵ Медерский Л.А. Варшава. Л., 1967. С. 54–55; Budova PKiN [Palac Kultury i nauky w Warszawie]. Warszawa, 1957.

¹⁵⁶ Нимейер О. Архитектура и общество. М., 1975. С. 58.

¹⁵⁷ Цит. по: Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. Т. 2. М., 2002. С. 105.

¹⁵⁸ Нимейер О. Архитектура и общество. М., 1975. С. 161.

¹⁵⁹ Центральные учреждения Объединенных наций. Строительство зданий. Доклад Генерального секретаря Генеральной Ассамблеи. Нью-Йорк, 1947.

¹⁶⁰ Здание СЭВ в Москве. М. Посохин, Н. Пекарева, Ю. Рацкевич, В. Свирский / Предисл. нар. архитектора СССР Б. Иофана. М., 1971.

¹⁶¹ Воронина Л.В. Каир. Л., 1974. С. 67–68.

¹⁶² Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000.

Свое художественное решение она получила в новом типе общественного здания, в котором процессы самоорганизации и организации общества (политической или всякой иной) должны были объединиться. Такой тип здания сформировался в советской культуре, где идеологией «настоящей демократии», «демократии масс» стали дворцы и дома культуры. На их основе возник тип универсального общественного здания, который под именем дворцов конгрессов, дворцов республики, дворцов наций появился в 1960-е – 1980-е годы в столицах многих государств.

В больших и малых залах заседаний, трансформируемых в концертные, спортивные или кинозалы, проходили, сменяя друг друга, правительственные съезды, научные конференции и симпозиумы, художественные мероприятия, праздники. Одновременно здесь во дворце находились различные студии, библиотеки, магазины и киоски, комплексы ресторанов и кафе. Были, наконец, просторные холлы и камерные фойе, куда можно войти прямо с улицы, просто отдохнуть и пообщаться. Потенциальная открытость таких дворцов для различных форм организованной общественной жизни была ориентирована на возможное многообразие этих форм и одновременно на «живое», неорганизованное, постоянное присутствие народа. Среди универсальных общественных зданий такого рода дворец съездов в Московском Кремле¹⁶³, дворец Республики в Берлине¹⁶⁴, дворец Республики в Алжире, дворец Республики в Бухаресте, Национальный дворец в Софии, зал конгрессов «Финляндия» (дворец «Финляндия») в Хельсинки¹⁶⁵, дворцы конгрессов в Брюсселе, Лилле, Бремене¹⁶⁶.

Дворцы конгрессов, дворцы наций, дворцы республик можно считать архитектурной декларацией «гражданского общества» или «подлинной демократии», в которой народ представлен не безликой массой, а солидарностью и гибким сотрудничеством многочисленных «реальных групп», напрямую контактирующих со своими представителями в политических структурах. Такие дворцы можно отнести к уже описанному типу дворцов-идеологов: идеологические задачи служили питательной почвой для архитектурных решений, с функционированием таких дворцов-учреждений связывались определенные политические надежды. Дворец – универсальное общественное здание стал итоговым звеном типологии общественных зданий индустриальной эпохи.

Постиндустриальные структуры власти, сформировавшиеся внутри индустриальной культуры, – его «новая ось социальной организации и стратификации»¹⁶⁷ – не получили выраженной архитектурной репрезентации. Политическая власть постиндустриального типа основана на новом властном ресурсе – знании, на социальных технологиях управления – т. н. «мягких стратегиях» или «мягком насилии», имеет новую структуру – гибкую, подвижную, децентрализованную¹⁶⁸. И главное – политическая власть постиндустриального типа не стремится к легитимности, не требует от общества признания и не добивается согласия. Процесс перехода политической власти от структур индустриального общества к постиндустриальным структурам Э. Тоффлер описывал как «смещение», «ускользание» власти – процесс не до конца контролируемый и не вполне осознаваемый обществом.

¹⁶³ Посохин М., Мндоянц А., Пекарев Н. Кремлевский Дворец Съездов. М., 1966

¹⁶⁴ Palast der Republik. Дворец Республики. Palace of Republic. Dresden, 1977.

¹⁶⁵ Аалто А. Новый центр города Хельсинки. М., 1966.

¹⁶⁶ Le palais des Congris a Bruxelles: Travaux d'aménagement, 1975–1978. [Bruxelles], 1978.

¹⁶⁷ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. 1999. С. 656.

¹⁶⁸ Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2001.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.